

18+

Татьяна Антоновна Муратова
Я отомстила Гитлеру

Менталитет советского народа

Татьяна Муратова

**Я отомстила Гитлеру.
Менталитет советского народа**

«Издательские решения»

Муратова Т. А.

Я отомстила Гитлеру. Менталитет советского народа /
Т. А. Муратова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514690-8

У Гитлера была мечта уничтожить советский народ. Он проиграл. Советский народ не только победил фашистов, но сумел создать в своём обществе непохожих ни на кого в мире людей. Советский Союз развалили. На заре перестройки я спросила немца-туриста, что его более всего поразило в России. Я ожидала услышать, что это природа Байкала. А услышала в ответ, что это простые люди, каких в мире больше нет. Что такое советский менталитет и как сохранил его наш народ в период перемен? Об этом моя книга.

ISBN 978-5-00-514690-8

© Муратова Т. А.
© Издательские решения

Содержание

ОБ АВТОРЕ	6
Это наша Победа!	7
Я отомстила Гитлеру!	7
Обмен	10
Лесное детство	12
За орехами	12
Лесные выходные	15
Малина	17
Школьные страницы	20
Спецзадание	20
Юбилейный год Ленина	22
Студенчество	24
У костра	24
Горячее лето 1973 года	32
Иркутские истории	34
У вас есть заварка?	39
О БАМе в прошлом и настоящем	53
Был обычный рабочий день...	53
Бригада	54
Наш современник	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Я отомстила Гитлеру Менталитет советского народа

Татьяна Антоновна Муратова

© Татьяна Антоновна Муратова, 2025

ISBN 978-5-0051-4690-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ АВТОРЕ

Инженер-строитель, эколог по собственной инициативе, экономист электросвязи, преподаватель экологии на английском языке, фанатик декабризма и пушкинист, организатор митинга в Северобайкальске за отнесение нефтепровода из водосборной зоны Байкала, активный участник теле проектов «7 чудес России», «Имя Россия. Исторический выбор 2008», «100 чудес Байкала».

Лауреат международного конкурса лиги писателей Евразии «Золотой Диплом имени Александра Сергеевича Пушкина» 2010 год.

Это наша Победа!

Я отомстила Гитлеру!

История эта выдуманная, но сюжетная линия в датах и фразе «Я отомстила Гитлеру!» подсказана Виктором Зориным из истории его семьи.

В Ленинграде установились белые ночи. Вся молодёжь собиралась на берегу Невы поглазеть на развод мостов. Смеялись, пританцовывали, выискивали в толпе своих мальчишек и девчонок, радостно кидались в объятия, хотя днём виделись. Девчонки визжали от восторга, собираясь стайками. Светлые платья с рукавчиками-фонариками и широкими юбками развевались на свежем ветерке июньских уж очень тёплых вечеров и как магнитом притягивали к себе ватаги парней.

Галинка не участвовала в этих набегах на невский берег. И не потому, что не хотела, а потому, что не могла. Причина была уж очень уважительной: она ждала ребёнка. Её счастливое замужество с лихвой возмещало ей девичьи радости белых ленинградских ночей. Её муж (как странно это звучит – муж!) Коленька, а на самом деле лейтенант Николай сделал ей предложение, когда она ещё и школу не закончила. Это было в прошлом году. Потом он терпеливо ждал окончания школы, потом... Потом была свадьба и год сумасшедшего счастья, когда всё звенело и цвело от их любви. Этот год был подарен им судьбой, ведь Коленька учился в академии, её родители упивались их счастьем, его родители едва ли не носили её на руках... Все ждали ребёнка...

С утра, почувствовав недомогание, Галинка всячески скрывала это от родных. Но как обманешь любящее сердце?! Как только Николай вечером зашёл в комнату, бросил мимолётный взгляд на жену, с его губ сорвались слова:

– Галинка! Тебе плохо?! Родители!!! Вы куда смотрите? В роддом! Срочно в роддом!!!

На его вскрики сбежались все родственники – и его родители, в огромной квартире которых нашла себе местечко влюблённая пара; младший братишка Николая Иван, маленький шуленький пятиклассник; родители Галины, забредшие на огонёк проведать дочку. Вмиг молодая женщина оказалась под пристальным вниманием всех собравшихся. Кто-то уже звонил в скорую помощь, кто-то собирал вещи, Николай с тревогой смотрел любимой в глаза, Ванюшка всем сразу мешал. Приехала скорая, Галинку всем миром сопроводили до машины, Николай поехал вместе с ней. Вечер и бессонная ночь не дали результатов: ребёнок никак не мог родиться. Простояв всю ночь в вестибюле роддома, утром Николай побежал домой, хоть немного передохнуть, благо, было воскресенье...

– Девочка моя, тужься! Ну ещё, миленькая! Ещё чуть-чуть!!! – голос дежурного врача-акушера как сквозь пелену доносился до Галинки. Она старалась, она тужилась, она терпела боль, не кричала, она так хотела помочь этому маленькому человечку, пытающемуся родиться!

– А-а-а-а! – и Галинка не поняла, её это крик, или крик родившегося младенца она услышала.

– Девочка! Да какая хорошенькая! Слышишь, мамаша, девочка!

– Любушка! – как-то сразу пришло на ум Галинке, Любушка родилась...

Она устало закрыла глаза.

– Милая, попить, поди, хочешь? Сейчас принесу, – раздался голос нянечки.

Галинка вдруг действительно захотела пить. Она жадно глотала морс, поданный ей нянечкой, и так торопилась, что красные капли брусничного напитка стекались по её подбородку и попадали на простынку, которой она была прикрыта. Что-то неприятное возникло в её воображении, когда она заметила эти яркие красные капли на белом. Возникло и исчезло...

– Ну пустите его на минуточку! На одну минуточку! Пусть посмотрит Любушку! – уговаривала Галинка нянечку, сделав самые жалобные глаза, на которые была способна, и придав своему голосу самые жалостливые интонации.

И нянечка не могла устоять.

– Иди уж, папаша! Только быстро!

Николай тихонько, как только можно при его мужской фигуре военного, прошмыгнул в палату.

– Любушка! Любушка! На любовь и радость рождена! А впереди у нас столько счастья!

В палату вбежала растрёпанная русоволосая докторша. Николай инстинктивно втянул голову в плечи, боясь скандала по поводу его появления. Но врач не заметила его. С расширившимися от ужаса глазами она бросилась к репродуктору и включила его.

– ...Это война... Все на борьбу с фашистскими захватчиками! – услышали они завершающие слова обращения Сталина голосом Молотова...

– Ах ты гад! Гад ты, Гитлер!!! Я отомщу, отомщу, отомщу!!! – шептала в иступлении Галинка...

Описывать в подробностях войну и испытания, выпавшие на наших героев, нет особой надобности. Откройте любые документальные рассказы героев тех суровых дней, и всё станет понятно. Какой силой духа надо обладать, чтобы пройти эвакуацию, тяжелые будни работы на оборонном заводе, смерть всех родителей в блокадном Ленинграде, ежедневное изнурительное ожидание писем от мужа, сражающегося под Ленинградом. Галинка всё вытерпела. Из восторженной счастливой девушки она превратилась в умудрённую стойкую статную женщину, какой и встретила своего Николеньку, побывавшего в самом пекле войны, её молитвами заговоренного и спасшегося несмотря ни на что. И лишь Любушка, подрастая, часто просила рассказать маму о дне её рождения, двадцать втором июня тысяча девятьсот сорок первого года. И когда уже не Галинка, а Галина Сергеевна, сузив глаза, шептала:

– Ах ты гад! Гад ты, Гитлер!!! Я отомщу, отомщу, отомщу!!!

Любушка так же, как мать, останавливала свой взгляд на чём-то очень грозном и повторяла:

– Ах ты гад! Гад ты, Гитлер!!! Я отомщу, отомщу, отомщу!!!

Ленинград отстраивался. Потихоньку восстанавливалась и мирная жизнь ленинградцев. Любушка уже закончила университет, когда к ней пришла любовь. Её избранник был чем-то похож на её отца. Он был военным, а звали его Мишей. Шёл тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Любушка после свадьбы, медового года счастья, так же, как её мать когда-то, ждала ребёнка. Всё было закручено в их большой семье вокруг этого ожидания. Врачи ставили срок рождения ребёнка на конец мая. Все домочадцы дружно исполняли все желания будущей мамочки, окружая её заботой и вниманием. В ночь с восьмого на девятое мая молодой женщине стало плохо, ребёнок запросился на свет. Её увезли в роддом, Миша нервно курил всю ночь в вестибюле, а будущие дедушка с бабушкой не спали в обнимку с телефоном. Все ждали.

Ребёнок родился в полдень.

– Мальчик! Слышишь, мамаша! У тебя мальчик! В такой день родился! Победитель!

– Мальчик! Победитель! Виктор!!! Сегодня девятое мая! Двадцать лет Победы! Дайте мне телефон! Пожалуйста! Я очень-очень вас прошу!

Голос Любушки был такой просящий и завораживающий, такой необычный для медицинских работников, которые окружали только что родившую женщину, обычно все просят пить, что они притащили в палату телефон, благо она оказалось рядом с постом дежурной сестры, и подали роженице трубку.

– Мамочка! Я отомстила Гитлеру! У нас мальчик! Победитель!!! Виктор!!!

Галина Сергеевна придвинула трубку мужу, генералу, прошедшему войну, чтобы и он услышал слова дочери.

– Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза! Сегодня, день девятого мая тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, в честь ознаменования великого праздника советского народа в победе над фашизмом, объявляется всенародным праздником и выходным днём! С Днём Победы, дорогие товарищи!!! – услышала голос Левитана из радиоприёмника сквозь слёзы радости супружеская чета, приникшая к телефонной трубке с разных сторон...

13.05.2010

Обмен

Обмен или серу на яйца

Осенью жить было сносно. Какая-никакая родилась картошка. И брюквы вдоволь росло, и моркови. Запасов хватало до середины зимы. А потом – голод.

Поэтому Настасья, у которой на руках было трое малолетних детей да старуха-свекровь в придачу, с осени срезала кожуру со всего, с чего можно было срезать: с картофеля, брюквы, морковки, репки. Затем насыпала кожуру тоненьким слоем на лист и сушила в духовке. Сушила и крапиву, и лебеду, лист смородины и корни иван-чая. Ссыпала высушенные травы и корни в полотняные мешочки и прятала до весны. Те крохи продуктов, которые выдавались на трудодни, съедались немедленно в день выдачи.

Шёл второй год войны. Всех мужиков в деревне забрали на войну, все женщины отрабатывали трудодни в колхозе, где на учёте был каждый колосок пшеницы, каждая картофелина, каждая горошина. Спасали от голода боны – плата за намытое золото. На боны давали хлеб, но намыть золото можно было только в выходные, а они бывали очень редко, и не каждый такой поход венчался успехом. Чаще на золото деревенские ходили впустую.

Муж Настасьи, Иван, и его брат Андрей, как и все деревенские мужики под сорок лет, были в первый год войны мобилизованы в армию. Они стояли в резервной части под Читой.

В окно постучали...

Настасья выглянула, и кинулась к двери: мужики!

– Отпустили на три дня, – на немой вопрос жены ответил Иван.

– Корми!

Настасья засуетилась, вытащила из заветного угла припрятанный мешочек и высыпала на стол его содержимое.

Ребятишки с разных углов следили за действиями матери, вчера она сказала им, что съели последние запасы.

Иван, скривившись от внутренней душевной боли, кивнул Андрею:

– Спать пойдём. Завтра что-нибудь придумаем.

Они прошли в дальний угол избы и завалились на кровати, бросив ребятишкам:

– Налетайте!

Приглашение повторять не требовалось.

Ребятишки кинулись к столу и стали с жадностью, почти не разжёвывая, уплетать последние запасы матери.

Утром мужики, пошвырвав кипятка со смородиной, собрав мешки, ушли в таёжную падь. Вернулись они вечером с полными котомками пахучей лиственничной коры.

Настасья растопила печь, быстренько принесла котелки и приспособления для варки серы. Всю ночь в доме от печи шёл пряный душистый запах серы. Она получилась золотистая, красивая и пахучая лесным ароматом хвои.

Нарезав и высушив серу комочками, утром мужики отправились в соседнюю деревню на базар.

На базаре можно было купить и хлеб, и картошку, и мёд, и яйца. Но сначала надо было продать серу.

Робко выкрикивая:

– Сера! Лиственничная сера! – мужики битый час без пользы проходили между рядами рынка.

На базаре больше всего продавалось молока и яиц, но покупателей на этот товар не было.

Иван, хитро подмигнув брату, красивым баритоном запел:

– Серу на яйца! Серу на яйца! Серу на яйца!

Если первый раз ударение он ставил на первом слоге, то к концу своего пения ударение смещалось на второй слог.

Толпа в недоумении обращала взоры на мужиков. Потом хохотала. Потом приценивалась. Потом меняла яйца и молоко на серу.

Иван и Андрей выпивали молоко тут же, не отходя от обменного пункта, а яйца собирали в коробку.

Пройдя несколько деревень в округе, где их уже встречали пением «серу на яйца», мужики обменяли все свои запасы серы, набрав более сотни яиц.

Они вернулись домой к вечеру третьего отпускного дня, отдали коробку с яйцами Настасье, поделились рассказом о продаже серы, наскоро поцеловали ребятишек и побежали к центру, откуда в город уходила попутка.

Настасья поменяла часть яиц на сухари, часть на муку, из которой почти месяц заваривала похлёбку, пока не выросла новая крапива, не пошёл полевой чеснок и не завязалась в поле сарана.

Заваривая мучную похлёбку, она выводила звонким голосом на всю избу:

– Серу на яйца! Серу на яйца! Серу на яйца!

И улыбалась.

21.03.2012

Лесное детство

За орехами

Темнело. У костра гоношилась вся компания: тоненькая пятнадцатилетняя девушка Аня, которая только что принесла воду в котелке для вечернего чая; её старшая сестра Варя, громко-голосая двадцатилетняя певунья, ни на минуту не умолкавшая со своим бесконечным пением, за что её прозвали ходячим магнитофоном, деловито обрубая ветви с березы, принесённой для устройства шалаша; два паренёка лет пятнадцати, Ваня и Саня, которые суетливо и бес-толково пилили брёвна для костра; Лилия Павловна и её взрослый сын Евгений, только что вернувшийся из мест не столь отдалённых и потому постоянно молчаливый. Они с матерью сосредоточенно стелили ветки на дно шалаша. Шалаш был покрыт берёзовыми ветками в сторону от костра и открыт всей полостью к костру. Костёр, два бревна диаметром более полу-метра, с наступлением сумерек горел всё ярче и ярче.

– Ань, а Ань! – обратился Саня к девушке, поставившей котелок недалеко от костра.

– А ты колот-то хоть раз видела? Мы-то орехи не раз били, а тебя-то зачем взяли?

В эту минуту замолчала на полуслове льющейся песни Варя. Она засмеялась и обратилась к мальчишкам:

– Ой, молодёжь! Да мы с Анькой завтра вас всех уделаем по сбору орех, спорим?

– А, что, спорим! – отозвался уже Ванька.

– На ведро орех!

Совсем потемнело. На небе ярко выступили звёзды. Напившись чаю, все завалились спать в шалаше, кроме Ваньки. Он так боялся нападения медведя, что решил не спать. Всю ночь мальчишка добавлял дров в костёр, постоянно расшевеливал его, что-то бормотал себе под нос и не спал, прислушиваясь к шорохам вокруг. А их было не мало. То хрустели ветки под чьими-то ногами, то ни с того ни с сего, вдруг шелестели листья, то ухала какая-то птица, то вдруг доносился говор ручья. Под утро сон сморил кострового, и он заснул, ногой уткнувшись в костёр. Его ботинок стал издавать неприятный запах, который разбудил Лилию Павловну. Она вылезла из шалаша к костру и вовремя вытащила мальчишку из костра, тихонько ругаясь и заливая ботинок водой.

Рассветало. Бледнело небо над верхушками кедров, вдалеке обозначилась просека, по которой шла тропа, где ещё вчера более двух часов компания поднималась на гору в орешник. Позавтракав кашей из банок и запив её чаем, все разбились по парам и отправились на заготовки, забрав с бивака колоты. Сёстрам достался большущий неподъёмный деревянный молоток из лиственничного бревна. Сделан он был на великана, не иначе. С трудом зацепившись за ручку колота, держащую бревно, девчонки потащили колот к лесу. Впереди, колот поменьше тащили мальчишки. Вот они нашли подходящее дерево, и, пристроив колот к дереву, стали методично бить по стволу.

– Раз, два, три, четыре, пять... раздавался в лесу счёт пацанов. Кедр гудел и раскачивался. Но шишек падало на землю немного, штук пять-десять. Мальчишки бросали колот, собирали шишки в мешок, затем переходили к другому дереву. Как правило, они тщательно выбирали дерево, на котором было побольше шишек.

– Потащили колот туда, – приказывала Варя, и девчонки едва-едва передвигали его между кочками и багульником к дереву, которое только что оставили мальчишки. Силы у девчат хватало только на то, чтобы поднять колот и поставить его к дереву, что не всегда удавалось с первого раза. Потом они отгаскивали бревно колота от кедра, с силой ударяли по стволу и бросали колот. Больше сил у них ни на что не хватало. Дерево, изрядно потревоженное

мальчишками, от их единственного удара щедро осыпало девчонок шишками. Они собирали с одного дерева по трети мешка шишек. После трёх деревьев собирался полный мешок, который они дружно тащили к табору. Набрал до обеда почти три мешка шишек, девчонки прекратили колотование, и занялись обработкой шишек на деревянной тёрке. Ловко ставя шишку на ребристую поверхность, они ударяли сверху другой такой же деревянной тёркой, разбивая шишку. К концу дня, когда мальчишки лишь принесли свои три-четыре мешка шишек, у девчонок шишки были разбиты, а Варька, сварив ужин на всю компанию, уже заливисто пела очередной модный романс, переливчато заполняя своим голосом всю тайгу.

В эту ночь беспробудно спал даже Ванька, умаявшись от колотования.

Рано утром, когда солнце пыталось пробиться через густые кроны деревьев и осветить таборище, поднялась Аня. У костра сидел Евгений и как всегда молчал. Женька был их соседом по улице, они выросли вместе. Аня знала всю его историю осуждения и всегда его жалела. Шесть лет назад, когда он учился в десятом классе, то шёл со своей девочкой в кино. Во дворе кинотеатра знакомая ему шантрапа была какого-то мужчину. Мужик был пьян, а подростки были ожесточённо агрессивны. Оставив девочку у забора, Женька ринулся спасать мужика, раскидывая мальчишек. В это время приехала милиция, и, не разбираясь, всех забрала с собой. На следствии пацанва, дружно сговорившись, заявила, что Женя был с ними, и это он снял часы с потерпевшего. Так как потерпевший был изрядно пьян во время происшествия и ничего помнил, он не опроверг слова подсудимых. Свидетельство девушки не засчитали. И на суде всей компании дружно припаяли по шесть лет. Половина из этой компании освободились досрочно, и лишь Женя отсидел весь срок полностью.

– Жень, а почему ты весь срок отбывал? – спросила Аня, пользуясь моментом, когда у костра они оказались вдвоём.

– Меня там взяли под защиту местные. Чтобы выйти досрочно, надо было стучать на них. Я не захотел. Там было два выхода, если начнёшь стучать: или успеешь выйти досрочно, пока тебя не разоблачили, или будешь убит, если разоблачат. Я выбрал невмешательство.

– А, понятно. А то меня этот вопрос очень мучил.

Аня взяла котелок и отправилась к ручью. Пройдя несколько шагов в глубь леса, она вдруг остановилась. Сзади её держали.

– Отпусти! – громко сказала девочка. Сердце её сжалось от страха.

В ответ была тишина, но сделать шаг она не могла по-прежнему.

– Отпусти, кричать буду! – повторила она, дёрнула ногой и закричала:

– А-а-а-аа!

Повернувшись назад, она опять никого не увидела рядом с собой, но от костра через кусты к ней ломился Женька, а из шалаша выскакивали остальные.

– Ты чего? – спросил Евгений, добежав до девушки.

– Что стряслось?

А из-за дерева к ним уже подлетала разъярённая Варвара, готовая вцепиться в волосы Женьки. Аня дёрнула ногой, которая не выпутывалась из каких-то неизвестных сетей и пальцем показала на неё сестре. Та наклонилась к ноге, увидела что-то и заливисто засмеялась.

– Ребята, мои нитки нашлись! Я вчера их полдня искала!

Вся тропа была опутана чёрными нитками, так как оказалось, что Варя, храня их в кармане, кончиком зацепила за куст, а потом полдня разматывала их по всей тайге, от дерева к дереву.

Прибежали мальчишки и весело захохотали. Появилась перепуганная насмерть Лилия Павловна, у которой от испуга отнялись ноги.

Разобравшись с происшествием, все вернулись к костру, а Аня направилась к ручью, по пути разрывая ногами паутину из ниток.

С утра рабочий день заготовителей повторился один в один к вчерашнему. Девчонки, насобирав очередные четыре мешка шишек, оставили колотование уже к обеду. К вечеру у них снова было отшелушено и отсеяно до двух вёдер чистого ореха. Пока остальные группы занимались заготовкой, сёстры взяли на себя добровольные обязанности по кухне. А в третий день заготовок ещё успели набрать котелок переспевшей брусники.

Собирались в обратный путь, когда из налетевшей тучи стал срываться снег густыми хлопьями. В мешки затаривали готовый орех, упаковывали вещи. Варька насыпала в мешок Анне ведра полтора-два ореха, себе раза в два больше. Вещи свернула в другой мешок, который прикрепила к своему мешку с орехами. Анне в руки дала котелок с брусникой.

Все остальные таёжники собирались, кто как мог. Мальчишки чуть не передрались, пока затоваривались орехом. Они не успели толком отвеять орехи, потому мусора в них оказалось больше, чем у других заготовителей. Евгений весь добытый орех сложил в свой мешок, так как ноги Лилии Павловны едва передвигались, а предстоял спуск с крутой горы.

Пройдя залесённый двухкилометровый участок, компания сделала привал, где мальчишки, Варя и Аня под руководством Евгения сделали волокуши из срубленных у тропы берёз. На волокуши привязали все мешки с орехами, и стали спускаться с крутой горы. Впереди, держась за стволы берёз, бежали Евгений и Варвара, сзади подстраховывали Саня и Ваня, следом бежала Аня, а уж замыкающей тащилась Лилия Павловна. Спустив орехи в самом крутом месте горы, волокуши разобрали, а мешки с орехами заняли своё место за плечами заготовителей. Но почему-то очень долго на тропе не появлялась Лилия Павловна. Евгений заволновался, поднялся на гору, и, спустя время спустился с неё с матерью на плечах. Ему так и пришлось идти весь путь: сначала спускать мешок с семью ведрами орех, затем подниматься в гору второй раз и выносить оттуда свою мать. Спустились к дороге ближе к вечеру. Дорога до станции в Слюдянке досталась нелегко. Ноги, привыкшие к хождению по крутой горе, дрожали и сгибались в коленках, хотя таёжники шли уже по ровному месту. Тяжесть орех за плечами пригибала к земле. А у Анны ещё и добавочный котелок с брусникой оттягивал руки. Евгений всё же сумел остановить одну из очень редких частных машин на трассе с обещанием водителю оплатить орехами, сгрузил в машину и все мешки с орехами, и мать, и отвёз на станцию.

Электричка отправлялась ближе к ночи, все успели подремать на скамейках на привокзальной площади. В Байкальск приехали ночью. Выйдя из электрички, погрузив в очередной раз свою тяжёлую ношу на плечи, все направились домой. Дорога от станции вела под уклон. Анна, собрав все свои последние силы, бегом ринулась к дому. Варька едва успевала за ней. Обогнав всех остальных, они первыми оказались у калитки родного дома. В доме горел свет. Едва скрипнула калитка, из дома навстречу девушкам выбежала мать.

– Слава господи! – крестилась она, глядя на дочерей.

– Слава тайге! – крестилась она снова и снова в разные стороны и неистово отдавала поклоны неведомо кому, глядя, как ноги Ани подкосились и та опустилась на ступени крыльца.

Через какое-то время ей пришлось поднимать девушку и на руках заносить её в дом. Варька же зашла в дом сама, без посторонней помощи, при этом ещё и напевала одну из любимых своих песенок. Анне пришлось с неделю проваляться в постели, так как ноги абсолютно её не слушались, а руки ныли так, что не было никаких сил держать даже ложку. Но это были абсолютные пустяки в сравнении с тем чувством удовлетворения, что она смогла сама лично заработать себе деньги на покупку всех вещей к предстоящему десятому классу. У неё будет новая форма, новый фартук, новые туфли и сапоги, новые учебники, и, может быть, хватит и на новое пальто, если добавить к деньгам, которые она заработала кассиром в кинотеатре.

Она, как всегда, будет блистать!

12.02.2010

Лесные выходные

– Анюта, быстро домой! Мы едем в лес! – обращается ко мне старшая сестра Лера, не взирая на мои возражения и на моё нежелание оторваться от игры в классики с соседскими девочками.

– Я сказала быстро! – доносится от ворот нашего дома.

Собираю вещи в рюкзак, одеваюсь, мама помогает мне. Они обе молчат, и сестра, и мама. Я понимаю, что они опять что-то не поделили, поэтому мы с Лерой едем в тайгу, несмотря на глубокий вечер. Мы едва успеваем на вечернюю электричку.

Выходим на полустанке, где нет вокзального помещения, и идём в лес по лесной едва различимой в темноте тропке. Где мы остановимся на ночёвку, мало заботит мою сестру. Она счастлива оттого, что сбежала от очередного конфликта в свою стихию свободы в тайге. В лесу темнеет быстро. Мы идём уже в полной темноте на ощупь. Впереди поляна, посередине которой стог сена. Сестра заливисто смеётся и идёт к стогу, где бросает вещи, и молча начинает делать лаз внутрь стога, безжалостно разгребая сено. Я следую её примеру. Мы прячем в стогу наше снаряжение, залазим сами и закрываем сеном отверстие. Дрожь осеннего вечера проходит, становится тепло. Я засыпаю, прижавшись к плечу сестры.

Утренняя свежесть будит нас рано, едва начинает светать. Мы вылазим из стога, заваливая сделанную в нём пещеру, надеваем рюкзаки на плечи и идём в тайгу. Невозможно передать словами то необыкновенное своё состояние, когда идёшь по лесной тропинке среди берёз и сосен, где каждое дерево приветствует тебя, наполняя твои лёгкие чистым воздухом окружающего пространства. Невозможно забыть те минуты, когда ты ощущаешь всеми фибрами души дух природы в её совершенстве, когда птичье пение звучит особой первозданной музыкой матушки-природы и наполняет тебя торжеством жизни.

По обочинам тропы начинает попадаться брусника. Мы проходим болото и останавливаемся на сухом островке, заросшем кедрами и багульником. Лера разводит костёр, черпает воду из-под колодины и ставит котелок на огонь. Вода бурого цвета, но это её не смущает. Болотная вода не бывает мёртвой.

– Чистишь картошку, варишь, потом помоешь котелок и сваришь чай, – приказывает Лера мне и от нетерпения привязывает к поясу не свой, пятилитровый, а мой, трёхлитровый котелок. Потом замечает ошибку, перевешивает котелок и почти бегом направляется в сторону горы.

Я остаюсь одна у костра. Чищу картошку, опускаю её в кипящую уже воду, добавляю соль, мешаю сухой веткой. Затем снимаю котелок с огня, высыпаю картошку в свой закопчённый котелок и ставлю кипятить воду на чай. В общем, делаю привычное и обычное мне дело – готовлю завтрак и обед одновременно. Собираю нашу скатерть-самобранку: хлеб, сахар, печенье, карамель, и жду возвращения сестры, тихонько напевая под аккомпанемент птиц.

– Ну, здравствуй! – слышу очень громкие слова приветствия у себя за спиной. Я сижу на пне спиной к Байкалу, к тропе, по которой мы шли, а лицом к горе, куда ушла сестра.

– Привет! – говорю я, не оборачиваясь. Я хоть и не слышала шагов, но голос сестры узнала сразу.

– Ты даже не испугалась! – говорит мне Лера, – я ведь в другую сторону ушла.

– Кого ещё, кроме тебя, может носить по тайге в такую сумрачную погоду? – отвечаю я.

После завтрака мы перебираемся на другое место, через ручей, который оказался неподалёку. Лера нашла нетронутый ягодниками брусничник. Переходя через ручей по скользкому

бревну, Лера смешно вскидывает руками, так, что рюкзак с горбовиком внутри слетает с её плеча и повисает на кустах, росших на берегу ручья, а сама она падает в ручей, загородив своим телом его течение. Ручеёк совсем мелкий, ей по щиколотку, но она делает собой запруду, и вода льётся через её голову. Лера судорожно глотает воздух сквозь воду, руками цепляется за траву, пытается встать. Картина настолько комичная, что я хохочу во всё горло. Хохочу до тех пор, пока не вижу, что сестра с головой ушла под воду, а выбраться не может. Так и утонуть можно. Я хватаю её за руки и вытаскиваю из ручья.

На новом месте мы разводим костёр и сушим вымокшую одежду Леры. Это не мешает ей в полуголом виде собирать совком бруснику вокруг табора. Я следую её примеру. Не отходя от кострища и на сотню шагов, мы заполняем ягодой всю нашу тару. Сгущается туман. Лера торопит меня, мы опаздываем на электричку. Но направляется она от костра совсем в другую сторону от станции, по моему мнению. Я тихонько говорю ей об этом. Она меня не слушает. Мы идём по какой-то незнакомой местности, сплошь заросшей баданом. Я уговариваю сестру вернуться. Она, подумав секунду, останавливается. Вокруг сплошной туман, не видно ни зги. Мы стоим посередине леса и чего-то ждём. Вдруг в лес врывается гудок паровоза – это на перегоне машинист обозначает проезд полустанка. Теперь уж и Лера окончательно убеждается, что мы идём в противоположную сторону от тропы, которая приведёт нас к станции. Разворачиваемся и пробиваемся к тропе сквозь туман. Вот уже и наша желанная тропка! Ещё полчаса, и мы на станции! Хорошо, что мы недолго блуждали и к электричке успели вовремя.

Дома мама так рада нашему возвращению, что её радости нет предела. И она, и Лера забыли о своей ссоре. Разговор только о приключениях: где ночевали, какая ягода, как доехали. Довольно поздно. Я засыпаю почти на ходу, отказавшись от чая. Мне завтра в школу. Уроки мои, как всегда, не сделаны, придётся выкручиваться на ходу, не впервой. Главное, нет физики, которую я не люблю из-за вредного преподавателя, который не любит меня.

У окна стоят девчонки и обсуждают воскресные новости.

– Я вчера была в лесу, набрала целых пол литра брусники! – хвастается моя подруга Маша.

Наверное, для нашего двенадцатилетнего возраста это хорошо. Я молчу о том, что ягоды набрала вчера больше ведра, что ночевала в стогу сена, что искала дорогу в тумане, что выходные прошли необычайно интересными, благодаря моей неуёмной таёжнице-сестре. Я лихорадочно листаю учебник по литературе, чтобы понять, о чём плести свою речь, если спросят, так как получать двойки не в моих привычках...

23.02.2010

Малина

Дождь начался в субботу вечером, вот уже и среда, а он все льет и льет без остановки. Наша поездка за малиной срывается, конца- края не видно этому дождю. Мне десять лет. Я досматриваю очередной цветной сон, но сердитый голос старшей сестры вырывает меня из радужного полета. Я вижу ее лицо, устремленное ко мне.

Вставай немедленно. Мы едем за малиной, – произносит она, а я ловлю робкие возражения мамы, касающиеся непрекращающегося дождя. Слышу шум дождя и ветра за окном. Но сестра неумолима. Она ходит от кровати к кровати и стаскивает одеяла со всех подряд. Она старше меня на 18 лет, ей все позволено. Без лишних слов вся компания поднимается.

Мы пьем чай с хлебом, собираем котомки и молча выходим на улицу, где сплошным потоком льет дождь. На станции в ожидании передачи (электрички еще не ходят, нет электролинии) томятся строители комбината. Они спешат на работу, смотрят на наши ведра и горбовики с нескрываемым удивлением. Сестра не обращает внимания на окружающих, покупает в кассе билеты и следит, чтобы никто из нас не остался на перроне. Передача довозит нас до Мамаев – малинового рая в нашем краю.

Дождь льет. Мы бредем по шпалам к невзрачному строению, заменяющему вокзал на станции. Внутри помещения дружно жмемся к печке, которая к нашей радости растоплена. Дежурная охает при виде трех худеньких ребятишек и поит нас горячим чаем.

Но вот время уже ближе к обеду, дождь прекращается, и солнце как-то вдруг разом заливает все вокруг. Небо такое синее – синее, на нем нет ни единого облачка, от земли идет пар, Байкал за окном голубеет невообразимой чистотой и прозрачностью. Мы идем по лесу к малиновым местам. Но что там впереди? Чудо? Видение? Картина из сказки «Морозко»? Нет, это просто настоящая красавица, елка. Она голубая – голубая, голубеющая, сверкающая неестественной хрустальной голубизной. Останавливаемся, заморожено окидывая взглядом лесную красавицу. А я не удерживаюсь, прикасаюсь руками к ветке, которая больно колет мою ладонь. На пальцах остается голубая пыльца и пронзительно-душистый запах свежей хвои. А что же это за елкой? Красный цвет режет глаза, я пробираюсь через мокрые кусты туда, где алеет, притягивает, зовет малина. Поднимаю тяжелую ветку и замираю от восторга: листьев нет, только красивые, крупные, величиной с двадцатикопеечную монету, ягоды малины покрывают всю ветвь снизу доверху. Я ловлю их губами, ощущаю вкус самых целебных в мире витаминов, малиновый аромат сводит меня с ума. Мои руки, лицо, моя мокрая одежда – все в малиновой ягоде...

Мы идём к лесу по раскисшей дороге. На пути всюду, куда не кинешь взгляд, брошенные таборища. Полусобранные шалаши, места кострищ, брошенные вещи сбежавших от дождя таёжников. Выбираем место для табора недалеко от ручья, подновляем шалаш новыми ветками, приносим дрова от других костров. Где-то находим брошенные продукты: картошку, лук, крупы, макароны и даже тушёнку. Собираем всё в найденное ведро и несём к своему костру. Смеркается. Устраиваемся на ночёвку с комфортом: шалаш был готовый, дров заготовлено вдоволь ягодниками, которых из леса выгнал дождь.

Утром после умывания и завтрака идём в малинник.

Чудо! Весь малинник заполнен ягодами так, что листьев не видно, одна сплошная ягода снизу доверху, как красное полотнище размером гектар на сотню! И никого вокруг! Ни одной живой души, кроме нас! Мы собираем ягоду в котелки, которые висят привязанными на поясе, чтобы обе руки были свободны.

– Варька!!! Анька!!! – слышим мы с сестрёнкой голос старшей нашей сестры.

Нам некогда отвечать. Мы собираем малину и ворчим:

– Ну чего ей опять надо? У нас и здесь ягода такая хорошая, что лучше не надо.
– Анька!!! Варька!!! – не стихает голос Леры где-то вдалеке.

Мы упорно молчим.

– Она что, думает, что мы здесь не наберём малины? Достала уже своим криком.

– Варька!!! Анька!!! Помогите!!! – надывается голос.

– Пошли уже, – произносит пятнадцатилетняя певунья, моя сестра.

– А то вдруг ей в самом деле надо что-нибудь, – добавляю я.

Мы с трудом пробираемся через заросли малины, перелезая через огромный валежник. Оторваться от кустов удаётся с трудом, на протяжении всего пути нас окружают кусты, один другого заманчиво краснее.

Пройдя очередное препятствие, мы попадаем на полянку у ручья. Сестра наша сидит на пне и плачет. Это так удивительно для нас, так как мы никогда не видели её плачущей. Под глазом у неё огромный синяк. Потом она приподнимает блузку, и мы видим ещё один синяк под рёбрами. Перед ней опрокинутое ведро. Ягода живописно разбросана по сторонам от ведра. Лера методично, ягодка за ягодкой, выбирает из травы малину, складывает её обратно в ведро и плачет навзрыд.

– Что случилось? Почему ведро валяется? Здесь кто-то был? – одновременно обрушиваемся мы с вопросами на сестру. Поднимаем её, собираем ягоду и слышим сбивчивый рассказ.

– Малины столько много, столько много... Я..оставила котелок, взяла ведро... А оно тяжёлое... Я полезла за ягодой, оно зацепилось за сучок, я потянула... Сучок сломался... Я упала... прямо на сучок животом... А потом он ещё раз сломался... А я упала на него ещё раз... Уже щекой...

Она рыдает громко-громко:

– Ну почему вы так долго шли?.. Мне так больно было... Я вас жду-жду...

Мы с Варькой отводим глаза, нам так стыдно. В один голос уговариваем сестру, жалеем её, понимаем с колдобины и ведём к табору, прихватив и её ведро.

На таборе становится ясно, что ягоды мы набрали столько, что собирать её уже некуда. Лера заставляет нас утрамбовывать ягоду в горбовиках, утрясая её. Но ёмкостей не хватает и так. Тогда она отправляет брата на другие кострища искать ёмкости. Он возвращается с кастрюлей литров на восемь. Заполняем и её, и все маленькие котелки и котелочки.

В субботу рано утром, упаковав и ягоду, и вещи, мы выходим из леса к передаче. Навстречу нам с передачи, только что пришедшей из города, идут ягодники. Они внимательно осматривают наши тяжёлые ноши, взгляды их светлеют и наполняются надеждой удачного похода за малиной.

Дома мама рассыпает ягоду по десятилитровым вёдрам, их получается пять с половиной. Котелок остаётся дома для зимнего секретного угощения малиновым вареньем в дни праздников, а вёдра мы несём на рынок. Малина наша быстро находит своих покупателей. От вёдер идёт невероятный аромат леса, что все, живущие близ рынка, осы и пчёлы немедленно слетаются на запах. Последнее ведро забирает холёная дама, вся обвешанная золотыми побрякушками. Она отгоняет ос от ведра, отдаёт маме двенадцать рублей, столько стоит ягода, пересыпает ягоду в своё ведро. Со дна льётся малиновый сок, ягода за время доставки из тайги в город примялась. К рынку подбегает мужчина. Он видит, что дама забрала последнее ведро ягоды, спрашивает маму, есть ли ещё. Уговаривает даму перепродать малину ему, накидывает цену. Дама презрительно усмехается, зовёт своего водителя, тот относит ягоду в автомобиль, редкий для наших мест. Мужчина охает и ахает, ругает свою жену, что она долго мыла его ведро, стоит около мамы и наблюдает, как она распродаёт сорванную утром в огороде зелень: лук, петрушку и укроп. Проходит минут пятнадцать. Подъезжает знакомая машина, из которой выходит уже знакомая нам дама, вслед за которой водитель несёт ведро нашей малины.

– Вы продали мне испорченную ягоду! – негодуяще произносит дама.

– В ней попадаются какие-то жуки и белые червяки! Это омерзительно! Как вы можете!

Отдайте мне мои деньги, заберите свою ягоду!

Мама, пытающаяся объяснить даме, что это лесная малина, что ягода только что привезена из леса, что у малины такие свойства, останавливается говорить на полуслове, так как мужчина очень громко поддакивает даме:

– Да-да-да! Вы правы, дорогая! Зачем вам ягода? Верните её хозяйке!

Мама отдаёт даме деньги, та удаляется, направляясь к машине, она громко ругается на весь рынок.

Мужчина, не дожидаясь момента, когда та скроется с глаз, смеясь и ликуя, пересыпает ягоду в своё ведро, радуется, как ребёнок, которому досталась заветная игрушка, отдаёт маме пятнадцать рублей, и, не дожидаясь сдачи, бегом, срывается с места, как бы боясь, что у него отберут бесценную ношу.

Распродав мелочёвку, мы, довольные торговым днём, уходим с рынка, заходим попутно в магазин, набираем продуктов, заполняем ими все вёдра и, довольные и счастливые, идём домой.

Спустя месяц к маме на рынок, около которой кручусь я, подходит мужчина и, улыбаясь и кланяясь ей, благодарит за малину, которой он с ведра ягод наварил аж семнадцать литров варенья! Он подаёт мне плитку настоящего вкуснейшего шоколада, с которой я бегу домой. Там делюсь с Варькой и братом, и мы дружно наслаждаемся нежданно свалившимся на нас лакомством, который подарила нам малина.

Школьные страницы

Спецзадание

Чтобы получить призовое место в социалистическом соревновании в год столетия Ленина, нашему классу было недостаточно хороших оценок и активной общественной жизни в школе. Надо было придумать нечто оригинальное, что перевесило бы чашу весов решений общественного управления школы, в которое входили директор школы, оба завуча: по учебной части и по внеклассной работе, комсорг школы, все комсорги и старосты старших классов.

Это «нечто» мы придумали без особого труда: надо взять интервью у Константина Седых – писателя, написавшего знаменитую «Даурию»!

Задумали – сделали. Посреди зимы холодной снежной ночью две мамы – моя и Мишкина, проводили нас на поезд «Наушки- Иркутск», на котором мы благополучно добрались до Иркутска. В справочном окне вокзала, после того, как мы красочно описали наши надежды на получение пусть не первого, а второго места в школьном соревновании после исполнения цели нашей с Мишкой поездки к писателю, дежурная по вокзалу из сердитой работницы, следящей за порядком, превратилась в улыбчивую и отзывчивую женщину, стала звонить по разным адресам, выискивая для нас адрес писателя.

– Маш, слышишь, – тут двое малолеток ищут адрес Седых, ты не подскажешь?

– Какого Седых? Да писателя, что «Даурию» написал. У нас живёт, в Иркутске, оказывается. Откуда я знаю? Да дети эти говорят. Значит, не знаешь. А кому позвонить?

– Люда, ты не знаешь адрес писателя Константина Седых? Почему мне это делать нечего?! Я пассажирам помогаю, детям! Они его ищут!

Мы с Мишкой с замиранием сердца прислушивались к словам дежурной и верили в чудо. Чудо свершилось! После очередного звонка к очередной знакомой дежурная подала нам листочек с адресом! Правда, адрес тот был иркутского отделения Союза писателей СССР, но это была удача! Женщина подробно объяснила нам, где находится здание и как до него добраться.

Добрались мы легко. На трамвае. В холле здания вахтёрша без особых расспросов отправила нас к Марку Сергееву, у которого в кабинете кто-то сидел. Мы заглянули в кабинет и приготовились долго ждать, когда нам позволят войти. Но дверь вдруг распахнулась, знаменитый поэт, улыбаясь, вышел в коридор и весело кивнул нам:

– Заходите!

Мы вошли и робко пристроились на дальних стульях. Поэт улыбнулся и сказал:

– Да не бойтесь вы! Я же не кусаюсь! Что, пишем? Принесли свои творения? Так давайте, посмотрим, что за новые таланты нас удостоили вниманием.

Мы переглянулись и наперебой стали рассказывать о соревновании, о мечте, о победе и о желаемом интервью с Константином Седых.

Марк Сергеев очень внимательно нас слушал, ни разу не перебив. А мы сбивались, горячились, доказывали ему, что это очень, ну очень важно для всего класса. Поэт молчал. Замолчали и мы. Нам стало стыдно за нашу просьбу, коль она улыбчивое лицо поэта превратила в грустную маску. Мы почувствовали, что в нашей просьбе что-то не так. Помолчав несколько минут, поэт стал писать что-то на листочке. Адрес. Затем протянул его нам и сказал:

– Ребята, вы не обижайтесь, пожалуйста. Но старик болен. Вряд ли вам удастся с ним поговорить. Он никого не принимает, да и ремонт, кажется, у него в квартире идёт. Но чем могу, вам помогаю. Берите адрес, езжайте. В конце – концов, класс не должен проиграть, если

писатель болеет. Успеха вам, ребятки! Да, если вдруг надумаете заняться сочинительством, то приезжайте, лично ваши сочинения посмотрю!

Он привычно заулыбался, вышел из-за стола и проводил нас до выхода из здания, по пути подробно объясняя, как и на чём добраться до дома Константина Седых.

Поднимаясь на этаж, мы громко радовались, как же нам везёт сегодня! Дверь в квартиру оказалась открытой, мы постучали, услышали:

– Войдите!

Грузный писатель сидел на кресле, одетый в пальто и шапку. В руках он держал трость. Его подслеповатые глаза устремились в нашу сторону.

– Кто такие? Откуда? Вам макулатура нужна? – обратился он к нам.

Мы сбивчиво начали объяснять писателю причину своего появления. Он приподнялся с кресла и сказал:

– Ребята, у меня ремонт. Краской пахнет. Я собрался подышать свежим воздухом, пойдёмте со мной.

Мы вышли из подъезда и направились к лавочке. Писатель сел на лавочку и сказал:

– Задавайте свои вопросы.

Мы задавали свои вопросы о разном: его романах, творчестве. По прошествии времени я напрочь забыла, о чём точно мы спрашивали. И лишь когда мы спросили его о дальнейших планах, он погрузился и отвернулся. Затем вздохнул и сказал:

– Планов-то у меня, ребята, много. Вот только исполнить их я вряд ли смогу. Какой же я старый дурак, что забыл взять дома что-нибудь на память для вас. Впрочем, с моим зрением в ремонтном хаосе я вряд ли что-нибудь смог бы найти. Спасибо вам, что не забыли о старике. Удачи вам.

Мы распрощались с писателем и тем же вечером уехали в свой город. Написать о нашей поездке классный руководитель поручила одной девочке из нашего класса по предоставленным нами рассказам. Та написала очень кратко в форме энциклопедических данных о писателе Константине Седых, его дне рождения и его книгах. И ни слова о нашей поездке!

Прочитав отчёт, я устроила истерику, кричала и доказывала, что это неправильно! Наша классная дама смотрела на меня с недоумением, так как никогда до этого я себе ничего подобного не позволяла. Даже тогда, когда она просила меня нарисовать что-нибудь для оформления, я рисовала несколько дней, потом перед показом стенной газеты она делала этот же заказ другой девочке, более талантливой в рисовании, чем я, она заменяла мои рисунки и на всеобщее обозрение выдавала рисунки одноклассницы. Я, конечно, гасила в себе обиду, но, понимая, что рисунки одноклассницы ярче и выразительнее моих, сдавалась и не спорила, что мою работу выбрасывали за ненужностью. Здесь же я с яростью тигрицы сцепилась с классной дамой, рискуя остаться без золотой медали, что впоследствии и произошло. В реферате изменили редакцию, вставили сообщение о нашей поездке и разместили наше интервью, опустив описание самой поездки.

Помогла ли именно эта публикация нашему классу выиграть призовое место, я не знаю, но мы его получили и летом ушли на теплоходе «Комсомолец» на остров Ольхон на две недели за счёт средств школы.

А я до сих пор, хотя прошло уже сорок лет, помню это спецзадание, встречи с Марком Сергеевым и Константином Седых, который умер в 1979 году, так и не дописав свою трилогию – роман «Утреннее солнце».

Юбилейный год Ленина

*К 150-летию со дня рождения В. И. Ленина
22.04.1870 – 22.04.2020*

Так получилось, что я училась в 9 классе, когда страна наша праздновала 100-летие В. И. Ленина. Это был настоящий праздник для всех.

С детства я была захвачена чувством великого поклонения этому великому человеку. Моя мама была рождена в 1913 году в глухой деревне в Забайкалье в семье батраков. Она часто рассказывала мне про непосильный труд в батрачестве у богатых хозяев. Она очень ценила блага, которые дали народу завоевания Великого Октября, особенно бесплатное образование. Сама она была безграмотной, как и 88% населения Сибири в те годы. После принятия программы по ликвидации безграмотности (Ликбез) в 1919 году Советское правительство обязало всех неграмотных граждан страны возрастом до 50 лет пройти курсы ликбеза. Мама выучила буквы на курсах, впоследствии могла читать программу телевидения и расписываться в ведомостях своей полной фамилией. Её младшая сестра уже выучилась в семилетке. Мой отец закончил 4 класса за две зимы, что позволяло ему работать главным бухгалтером. Когда отец был жив, мама не работала, он содержал семью сам, кроме военного времени, когда был на фронте. Нас, детей, было семеро, отец в небеса ушёл рано, когда четверо ещё учились в школе. Однако, несмотря на безграмотность матери и нищету из-за потери кормильца, четверо получили высшее образование, двое средне-специальное и один среднее. Мама никогда не плакала при просмотре индийских душещипательных фильмов, они её не трогали. Но заливалась слезами, когда смотрела фильмы о Ленине, понимая, что если бы не он, не только она осталась бы батрачкой, но и вся семья тоже.

Как отмечался праздник 100-летия Ленина в нашей школе? Заранее была создана аттестационная комиссия, в которую входили директор школы, завуч по внеклассной работе, секретарь комсомольской организации школы и общественники школы. Так как я училась на отлично и была активной общественницей, принимающей участие во всех школьных делах, и, кроме того, была в то время комсоргом класса, то меня и взяли в аттестационную комиссию. Все комсомольские классы сдавали Ленинский зачёт. В него входила проверка успеваемости ученика по всем предметам, которая проверялась по журналам, общественная работа и знание ленинских статей, необходимых для комсомольцев. Главной была та статья, в которой звучал ленинский призыв:

– Учиться, учиться и учиться!

Так как Ленинский зачёт был объявлен за год до его сдачи, все классы активно к нему готовились. Собирали металлолом на БЦБК, всем желающим принять участие в этой работе выделялся транспорт для перевозки собранного металлолома в пункт сдачи. Собирали макулатуру. Участвовали в озеленении города и на приусадебном участке школы в летнюю практику. Деньги, которые были получены школой за любую трудовую деятельность, собирались в общую копилку школы. С начала года, чтобы отстающие ученики не подвели класс, к ним прикреплялись отличники, которые отвечали за своих подопечных, чтобы к моменту сдачи зачёта в классе не было двоек, а троек было мало. Школа участвовала во всех спортивных и учебных мероприятиях района. Завоеванные места также приносили баллы каждому классу при участии учеников в этой деятельности. В школе был организован санитарный надзор из учеников дежурных классов, которые ежедневно проверяли внешний вид учащихся. Если ловили неряшливых учеников, они приносили минусы своему классу. В переменах дежурные с повязками следили, чтобы старшие не обижали младших. Речи о том, что ученики обижали учителей, вообще не возникало. В школе был непререкаемый авторитет учителей, даже тех, кто пришёл с уни-

верситетской скамьи. Чтобы завоевать какое-нибудь призовое место, надо было как-то по-особому проявить своё участие в Ленинском зачёте. Мы придумали взять интервью у писателя Константина Седых, для чего специально ездили в Иркутск с этим спец заданием, после чего составили отчёт и сдали его в аттестационную комиссию. За активную деятельность в школе меня, как и других таких же активистов, наградили Почётными грамотами. Одна из них была Почетной грамотой РК ВЛКСМ Слюдянского района. Это была очень высокая награда. После окончания учебного года были подведены итоги Ленинского зачёта. Лучшие классы были премированы из общешкольного фонда. Так за первое место один класс поехал в Москву на экскурсии, а наш класс завоевал второе место, и мы ушли на теплоходе «Комсомолец» по Байкалу на остров Ольхон на две недели на деньги школы.

Ленинский зачёт подстегнул всех учеников школы к хорошей успеваемости, участию в общественной жизни школы, а так же привёл к взаимовыручке и взаимопониманию не только между педагогами и учащимися, но и между самими учениками.

Я считаю эту форму работы в школе очень удачным опытом советской системы образования.

Поэтому для меня 150-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина – предстоящий личный праздник, и я его буду отмечать, как светлый праздник советского человека.

Студенчество

У костра

– А, черт, работнички, – ругался прораб, окидывая нас грозным взглядом.

Девчонки, выпускницы новосибирского техникума, прибывшие в Усть-Илимск по распределению и проработавшие всего один месяц на стройке, молчали, потупив взоры. Гнев прораба был связан с простым десятком машин с железобетонными конструкциями, привезенными из Братска. Панелевозы всю ночь простояли на разгрузке, так как оба крана не работали по причине отсутствия электроэнергии. Я только сегодня приступила к работе мастера, и четыре часа рабочего дня пролетели как одно мгновение – мы вдвоем с прорабом сочиняли акты о простом, принимали панели и объяснялись с водителями. Вернее, это прораб объяснялся, а я помогала ему составлять бумаги.

– В смену пойдет, – прораб еще раз посмотрел в нашу сторону, но я никак не отреагировала на его слова, так как плохо соображала, что же происходит в бытовке, – пойдет ... Анна, – завершил он фразу.

– Завтра в ночь. И без возражений. А сейчас поезжай домой, отоспись после обеда, – обратился он ко мне.

Так неожиданно-негаданно в свой первый день практики на правом берегу Ангары в качестве мастера железобетонных конструкций я вместо работы поехала отсыпаться. Вечером, дождавшись на остановке вахтовку, я была уже готова запрыгнуть в кузов, когда в его глубине среди мужиков увидела недоуменное лицо Зинки, моей сменщицы.

– Ты куда? – спросила она и добавила, – твоя смена только завтра, сегодня моя! И этих слов мне хватило, чтобы спрыгнуть с машины и вернуться в лагерь. Дневной сон сбил весь мой график, спать не хотелось. Помаявшись с полчаса в палатке, явно мешая девчонкам спать, я отправилась куда-нибудь.

За палатками горел небольшой костер, вокруг которого собрался народ, человек около тридцати. Посередине костра на таганке висел чайник, рядом с костром прямо на земле стояли кружки, и лежал пакет с сахаром. Вокруг костра сидели гитаристы. Их было пять, в числе которых одна девчонка из Томска, ее звали Катей. Гитаристы настраивали гитары, остальные студенты чуть слышно разговаривали.

– Ну, с богом, – произнес русский парень, подмигнув мне.

– Москвичи не сдаются, да, Вадим? – спросил его другой гитарист, высокий шатен в светлом свитере, тот, что очень уж тщательно был занят настройкой струн своей гитары.

– А ты, Сашок, будто не знаешь, что в соперничестве Москвы и Ленинграда москвичи пощады не знают. Сразимся? И, не дожидаясь ответа, запел:

В первые минуты
бог создал институты,
Адам его студентом
первым был.
Он ничего не делал,
ухаживал за Евой,
И бог его стипендии лишил.

Сашок, ни минуты не медля, подхватил:

У Адама драма,
двойка у Адама,
вызвали Адама
в деканат.
Идет Адам и хмурится,
в зубах сигара курится,
подмышкою он держит
сопромат.

И вот уже Вадим не успевает перехватить песню, как ее тут же подхватывает Катя, озорно сверкнув глазами:

И зимой, и летом
мы ездим без билета,
ты на нас, кондуктор не кричи.
Мы тебе заплатим
студенческим приветом,
мы студенты, мы не богачи.

Затем наступает очередь Ивара из Латвии, он поет сразу два куплета. Толпа вокруг костра оживляется, когда маленький таджик Рустам, сверкая жгучими черными глазами, выхватывает куплет для себя:

За полярным кругом
встретишь ты подругу,
Старую беззубую каргу.
Ты ее полюбишь,
молодость погубишь,
И будешь проклинать
свою судьбу.

Все веселятся, только представив себе нежного южного Рустамчика на Крайнем Севере.

Гитара Вадима замолчала, будто задумалась о чем-то своем. Краткий миг тишины повис над костром, стало слышно потрескивание веток и журчание закипающей воды в чайнике.

И вот уже полилась мелодия:

Под музыку Вивальди,
Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди,
Под вьюгу за окном,
Печалиться давайте,
Давайте, давайте,
Печалиться давайте
Об этом и о том.

Звучит песня, улетают ввысь искры, покачиваются в такт музыки фигуры обступивших костер студентов, чарует ночь.

Сашок, дождавшись конца песни, и даже переждав минуту тишины за ней, поет свою:

Полюбил Ромео, сын Монтекки,
Дочь врага Джульетту Капулетти.
Юноша отдал Джульетте сердце,
И она взяла его со страхом.
Тайну сохранял старик Лоренцо,
Их соединил законным браком...

Несчастливая красивая любовь отзывается болью в наших сердцах, все затихает до последних слов песни:

Их любовь была большой и сильной,
Жаль, что смерть сильнее оказалась...

Катюша только-только дожидается завершающих аккордов и начинает новую песню. Мелодия звучит торжественно и радостно, улетающая в небесную высь:

За туманом утренним
стынет моря плес.
Росы перламутровые
стряхивает лес.
В это время сонное
всюду чудеса
Вновь у горизонта я
вижу паруса.
Вот они, пожарища,
к небу поднялись.
Мне бы увидеть еще
Зурбаган и Лисс.
Города зеленые
голубых долин,
создал их волшебник
Александр Грин.

Она не успевает допеть, сообщая всем:

Это мой кораблик,
это я – Ассоль,

как вновь поет Вадим, он начинает свою сказку:

Девочка в домике под крышею
среди волшебников жила.
Но видно сказка ей наскучила,
закрывает книгу и ушла.
А в небе ясном было солнышко,
была студеной пора...
Алло, али, али, Аленушка,

в пути звенели провода...

Рустам не может дождаться, когда допоеет Вадим. С последними аккордами москвича начинает звучать гитара таджика. Мелодичный голос Рустама выводит:

Зачем ходить, бродить по вечерам,
Не спать, лежать, курить
в дыму табачном.
На то она и первая любовь,
чтоб быть ей не особенно удачной.

Никто не расходится, все остаются вокруг костра, иногда меняясь местами, кому сидеть, кому стоять. Вдали от костра ночь сгущается.

На то она и первая любовь,
чтоб стала настоящей другая...

Так заканчивает песню Рустам, затем, помедлив одно мгновение, бросив быстрый взгляд на Катю, неожиданно продолжает:

На то она и первая любовь,
чтоб вслед за ней пришла очередная...

На что Катя, не задумываясь, отвечает новой песней. Ее гитара звучит вызывающе нахально:

Говорят, что из-за меня
сохнут парни день ото дня.
А я песню свою пою,
незатейливую свою.
Захочу – полюблю,
захочу – погублю.
А возьму, завлеку,
да и брошу.
Захочу – отвернусь,
захочу – помирюсь,
посмотрю,
какой ты хороший...

Рустам развивает тему:

Как мне быть, как мне быть, я всю ночь не спала,
Двое замуж зовут, Мухаммед и Абдулла.
Подарил Мухаммед мне красивый платок,
Говорит, что в платке я весенний цветок.

Но сказал Абдулла, этот глупый толстяк,
У меня для тебя есть послушный ишак.
Заживём мы втроём, ты и я, и ишак.

Так сказал Абдулла, этот толстый чудак.

Но красавец Кирилм взволновал мою кровь,
Ни платка, ни осла, подарил мне любовь.
Вот какой подарок преподнес Кирилм.
Ла-ла-ла-ла, моё сердце с ним!

– Так, Катя, да? – спрашивает Рустам Катю.

Катя не успеваеа ответить, она явно сердится.

Парни усмехаюа, готовя что-то язвительное в ответ, но Ивар вовремя успеваеа разрядить накалившуюся обстановку своей песней, в свою очередь, с нежностью поглядывая на разгневанную Катюшу:

Все мы заняты зубрежкой
ночи напролет.
От чего ж одна девчонка
целый день поет?
От чего же, почему же
ей цветы несут?
Потому что у девчонки
свадьба на носу.
Ах, любовь,
ты приходишь не вовремя.
Ах, любовь,
застаешь ты всегда врасплох.
Ах, любовь, ах любовь...

Он старательно поет до конца все куплеты песни. За время его пения Катя успокаивается и просит чаю. Я бегу в палатку, несу банку сгущенки и остатки конфет из маминой посылки. Кто-то приносит батон и заварку. Добавляются ветки в костер, заливается вода в чайник. Все шевелятся, суетятся, переговариваются, пьют чай. Первый акт чудесной ночи завершен.

Следующая часть ночного действия начинается, конечно же, с разговора о любви.

– А есть она, эта любовь? – спрашивает Сашок и мечтательно смотрит на причудливую пляску огня, – где она, где задержалась, может, ее и вовсе нет, – заключает он.

Кто-то из девчат робко возражает и читает:

А княгине Нине всего шестнадцать.
Девочке что ведано про его судьбу?
Тело Грибоедова спрятано в гробу.
Не зовут подруги в хоровод невест,
Бронзовые руки обхватили крест.
И слова простые, яснее дня:
Ум твой – для России, горе – для меня.

К ней присоединяется Шекспир устами Лены, премиленькой студентки из Читы. Она проникновенно читает, завершая:

Но милая ступает по земле!

Завораживающая мелодия любви привлекает Пушкина. Как же он может пропустить столь волнующий момент.

Ивар, не спеша, произносит:

Я Вас любил. Любовь, еще быть может,
В моей душе угасла не совсем...

В его интонации строчки:

Так дай Вам бог
Любимой быть другим...

Звучат как-то по особенному чувственно, и мы понимаем, что сейчас уже не Пушкин, а Ивар прощается с любимой.

Стихи сменяют друг друга: есть место Ахматовой, Есенину, Пастернаку, Шекспиру, Лермонтову, снова Пушкину, затем Евтушенко, Окуджаве и снова Пушкину...

Горит костер, разгорается. Снова закипает вода в чайнике, засыпается заварка. Из палаток приносятся запасы продуктов: хлеб, сгущенка, печенье. Все дружно пьют чай, на время забывая о любви и стихах. Вторая часть ночи позади.

– Говорит студент жене: «Я пошел к любовнице». А любовнице сообщает: «Я дома, у жены». А сам все чертит, чертит, чертит свои курсовые... – начинает травить анекдоты Женя из Красноярска, известный в лагере острослов и анекдотчик.

– Лето. Жарко. Едет студент в трамвае. Знакомый его спрашивает: «Ты почему такой худой и бледный?» Тот отвечает: «Я строймех на тройку сдал» – «А зачем тебе плащ? Ведь жарко». – «Это не плащ, это Сенька, он на пятерку сдал».

Это уже включается в разговор Вадим. Как же москвичу не поблистать остроумием, когда предоставляется такая возможность?

Так незаметно мы вливаемся в третью часть ночного спектакля в нашей жизни.

И вот уже целая палитра анекдотов про студентов страны, от армянского радио до чукчей севера. Мы веселимся до тех пор, пока в очередной раз не закипает вода в чайнике.

Снова пьем чай. Ночь продолжается.

Теперь уже Ивар первый берет гитару в руки и начинает петь. Его песня о Латвии, о Родине, о себе.

Рустам подмигивает Левону, и тот запекает:

В Ереване на базаре подошла краса.
У неё глаза такие, словно чудеса!
У неё такие брови, глаз не оторвать.
Я не сплю вторые сутки, мучаюсь опять.

Эх, звуками играя, поёт сама зурна.
Вот она какая, Армения моя!

В Ереване на базаре слушали свирель.
А на озере Севане кушали форель.
И коньяк армянский пили, пили там и тут.
Голова у нас в порядке, ноги не идут!

Эх, звуками играя, поёт сама зурна.
Вот она какая, Армения моя!

Гитару у Рустама просит Гиви. Он грузин, и, конечно же, его песня о Грузии.

Вадим поет о Москве, и мы мысленно шагаем с ним по столице.

А я иду, шагаю по Москве.
И я пройти ещё смогу
Солёный Тихий океан,
И тундру, и тайгу!

Сашок поет о Ленинграде:

Город над вольной Невой
Город нашей славы трудовой,
Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задушевную песню свою.

А я жалею, что нет гитариста из Иркутска, и, когда Саша замолкает, пою:

Плывут и плывут
прибайкальские шири.
Саянские горы
синеют вдали.
Нас встретит столица
Восточной Сибири,
любимый Иркутск —
середина земли!

Все гитаристы подыгрывают иркутяночке, как ласково они меня здесь называют. После меня Катя завершает импровизированный концерт песней:

Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз.

В конце концов, к этой песне присоединяются все.

Вдруг мы замечаем, что лучи солнца уже давно прибились к нашей компании. Костер потускнел. Из палаток один за другим появляются студенты, им пора на работу.
Мы разбредаемся по палаткам спать.

Рассвет наступил.

*г. Усть-Илимск.
1975*

Горячее лето 1973 года

Еще не звучало набатом слово «БАМ», а уже всю работали изыскатели и проектировщики, шло освоение необходимых баз для будущего строительства.

Я закончила тогда третий курс строительного факультета ИПИ и поехала со стройотрядом «Иркутянка» в Усть-Кут. Наш лагерь располагался на реке Якурим, на окраине города в лесу. В отряде было сорок девчонок, семнадцать из которых звали Танями. Весь отряд разделили на три бригады. Одна работала на ремонте школы, другая на окраске и изоляции трубопроводов, а наша, третья, на земляных работах по обваловке резервуаров для хранения нефти. Работали мы с восьми утра до восьми вечера. Выходной день, он же банный, был один: воскресенье.

Говорить, что мы уставали, это значит, ничего не говорить. Основными орудиями производства были: лопата, кирка, кайло, лом. Работа на валах с раскидываем привезенного грунта лопатами с последующей одерновкой считалась легкой. Поэтому нас очень часто гоняли на помощь другим бригадам, как считалось, имеющим более тяжелую работу. Так мы красили спортзал в школе для одной бригады, долбили слежавшуюся годами землю на проезжей части дороги для пропуска трубопровода для другой.

Но никогда, ни до того дня, ни после, в моей жизни не было такого тяжелого трудового дня. А уж где только не пришлось мне поработать! И штукатуром, и маляром, и каменщиком, и кровельщиком, и бетонщиком, это не считая инженерных должностей от рядового инженера любого отдела в строительной конторе до его начальника.

Нас вдвоем с девушкой, такой же худенькой и высокой, как я, послали на помощь изолировщикам трубопроводов. Бригада прошла все трубопроводы, оставив за собой все труднодоступные места, там, где была запорная арматура и там, где трубопроводы подходили друг к другу так близко, что обернуть их изоляцией не было никакой возможности. Изоляция была в рулонах диаметром около тридцати сантиметров и шириной полосы сантиметров в двадцать пять. Сначала мы обследовали трубопроводы, они были в полметра диаметром, затем вырезали необходимую длину изоляции, затем подлезали под трубы и заматывали непокрытые места. За день мы так ухайдакались, что не только работать не было сил, их не было даже держаться на ногах. Оставался один час работы, и один не заделанный участок трубы. Мы, пересиливая себя, старательно выполняли работу, когда к нам пришла бригадир. Она сказала, что должны привезти бетон, и мы, когда закончим, чтобы шли на бетонные работы. До конца рабочего дня мы едва успели доделать свою работу, у нас не было ни времени, ни сил идти на бетонные работы.

В тот раз подняться в кузов машины нам помогали другие девчонки, сами мы были не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой. В лагере мы даже не пошли на ужин, только умылись и доползли до кровати. Уснули сразу.

Часов в одиннадцать нас подняли с постели и повели в штаб отряда. Там присутствовала вся верхушка: командир, комиссар, бригадиры и куратор. Они выговаривали нам за плохую работу, за отказ идти на бетонные работы, указывали на лень и недобросовестность. Мы стояли перед ними ошалелые, еще не проснувшиеся, не имеющие силы держать голову прямо и ничего не соображающие. Нас лишили зарплаты за этот день и всех привилегий отряда: премии, почетных значков и грамот.

Сегодня я вспоминаю этот день как самый трудный день в моей жизни. И, когда мне плохо из-за того, что кто-то относится ко мне, на мой взгляд, незаслуженно и неправильно, тот день помогает мне преодолеть безысходную тоску, нанесенную человеческой черствостью и глупостью. Смогла же я не сломаться тогда, выстою и сейчас.

Иркутские истории

Визиты

1. Май 1972 года. Я сижу в пустом читальном зале политехнического института и готовлю реферат по истории. Обычно шумный и гудящий от многочисленных студентов, зал свободен и тих. У меня мало времени, и я стараюсь как можно быстрее проштудировать объемные учебники и журналы. Шестым чувством я замечаю, что кто-то садится за мой стол, и недовольно ворчу:

– Что, места больше нет в пустом зале?

Мое занятие так важно для меня, что это занимает меня еще в течение получаса. Потом я замечаю, что мой сосед до сих пор сидит и смотрит на меня. С негодованием поворачиваюсь к нему с заготовленными словами обвинения и... вижу брата, который должен быть в Харькове в отпуске. Я помню, что у него нет моего адреса, он не знает ни факультета, ни группы, в которой я учусь.

– Как ты нашел меня? – мой первый вопрос.

– Без проблем. Я спросил на вокзале, где находится институт, доехал на единице до конечной остановки, зашел в вестибюль, увидел девчат у зеркала, спросил их, где тебя можно найти, они объяснили, я нашел. Понимаешь, я привез тебе цветы, в Харькове такая жара, все цветет, их надо срочно поставить в воду. И вообще у меня всего час времени до поезда, а ты уже полчаса не обращаешь на меня никакого внимания.

Назавтра выясняется, что в заполненном студентами вестибюле из сотен студентов он обратился к девчонкам из моей группы...

2. Зима 1972 года.

Возвращаясь с занятий, я нахожу в комнате своего старшего брата в его обычном состоянии слегка навеселе. Он обнимает меня, искренне рад встрече, с воодушевлением начинает рассказывать, как меня нашел. Открывая дверь в общежитие, он с порога всем объявил, что у него замечательная сестра, она студентка и живет здесь, в 401 комнате. Его пропускают на четвертый этаж, девчата в комнате поддерживают разговор о его хорошей сестренке Ане, все ждут, когда она вернется с занятий. Открывается дверь, входит девушка, вежливо здоровается, раздевается. Мельком взглянув на нее, брат продолжает свой рассказ. Девчонки в недоумении переглядываются и перешептываются.

– Аня, к тебе брат приехал, – наконец сообщают они.

– У меня нет брата, разве вы не знаете, – отвечает она, слегка ошарашенная сообщением.

– Это не моя Аня, – протестует, в свою очередь, брат, – Отдайте мне мою Аню.

Они долго разбираются и приходят к выводу, что мой брат вместо седьмого общежития строителей попал в шестое, к химикам-технологам.

Истории о любви

1. Мила была натуральной блондинкой. Мне казалось, что ничего необыкновенного в ней нет. Она дружила с парнем из своего города. Если точнее, то они стали близки в каком-то туристском походе. Родители, узнав об этом, отправили их учиться вместе, в Иркутск, взяв с них слово, что они поженятся. Пока решался вопрос с поступлением и квартирой, они жили в общежитии по разным комнатам. Ей срочно понадобился чемодан, который она оставила у бабушки, и в одно прекрасное утро мы отправились в Рабочее за чемоданом. Выйдя из трамвая на Планетарии, мы купили мороженое и, чинно разговаривая, ждали восьмерку. Мимо нас прошли два парня. Сначала они не обратили на нас никакого внимания. Но, пройдя уже два дома, они бегом вернулись, о чем-то споря на ходу. Подошел автобус, мы сели, они следом

за нами. В Рабочем, выскочив на своей остановке, мы не заботились об их поведении, хотя краем глаза отметили, что ребята идут следом.

Бабушка была очень рада увидеть внучку, и два часа угощала нас пирогами и чаем. Изредка мы подходили к окну, чтобы удостовериться, не ушли ли наши случайные незнакомцы. Но они терпеливо ждали. Нашему терпению пришел конец, день клонился к вечеру, пришла пора возвращаться в общежитие. Мы вышли из дома с большим чемоданом и понуро ожидали приближения парней. Ребята оказались разговорчивыми и улыбчивыми. Свое преследование они объяснили любовью с первого взгляда Вадима к Миле. Зная ревнивый нрав своего Сашки, Мила наотрез отказалась от предложенного свидания, от провожания и каких-то других знаков внимания. Мы расстались. Но судьбе было угодно свести нас вновь. Назавтра Мила захотела посетить магазин «Ландыш», и мы отправились туда после занятий.

– Быстро уходим, – шепнула она мне, – не оборачивайся, там Вадим.

Но уйти мы не успели, он уже заметил нас и подошел.

– Девочки, я так рад встрече, – сказал он, – Мила, это судьба.

Мила покраснела, пробормотала что-то о том, что это совсем некстати. Мы отправились по улице по направлению к рынку. Около кинотеатра «Хроника» Вадим побежал купить мороженое, а мы бурно обсуждали предстоящий фильм.

– Надо сблатовать Сашку на этот фильм, – сказала Мила и осеклась: рядом стоял Вадим.

– Даже теперь, когда я знаю твою тайну, я люблю тебя. Подумай, может быть, ты всегда будешь жалеть, что наше знакомство закончилось, не начавшись. Я не могу уйти просто так. Разреши подарить тебе букет цветов.

Отказать ему было невозможно, и мы направились на рынок.

– Сейчас я сложил бы к твоим ногам все красные розы, гладиолусы, гвоздики, чтобы они кричали тебе о моей любви, но я понимаю, что твой парень неправильно тебя поймет, когда ты вернешься с букетом, кричащем о моем чувстве, поэтому выбери цветы сама, – сказал Вадим и терпеливо ждал, когда она найдет цветы по душе.

Ими оказались красивые темно-бардовые гладиолусы, которые она бережно прижимала к себе, еще не осознавая случившееся.

– Прощай, и очень жаль, – произнес Вадим и быстро исчез в толпе. Мы ехали в трамвае до студгородка, всю дорогу Мила прижимала цветы и о чем-то сосредоточенно думала.

– Знаешь, я, кажется, прошла сейчас мимо своей судьбы-, – с грустью сказала она.

В общежитии, несмотря на то, что Мила объяснила, что букет подарили мне, Сашка устроил грандиозный скандал за ее позднее возвращение.

2. Гуля в очередной раз поссорилась с Димкой. На этот раз ссора была настолько серьезной, что он не приходил уже целую неделю. Страдая и плача по ночам, Гуля дошла до такого состояния, что вездесущая Жанка привела ее домой с моста через железную дорогу, откуда она собиралась броситься под колеса поезда.

– Не дури, – заявила Жанка, – мы найдем ему замену. В тот же вечер она упростила своего друга Саню привести в субботу к ним в комнату парня в черном костюме, белой рубашке и в галстуке.

– Еще, – сказала она, – чтобы он играл на гитаре. Ну, или хотя бы его друг.

Сказано – сделано. В ближайшую субботу в нашей комнате появились ребята: один в парадной форме, к тому же в черных очках, из-за фингала под глазом, другой с гитарой. Не успели парни переступить порог комнаты, как им было объявлено, что у нас состоится свадьба. Наша невеста, которую мы нарядили в белое платье, их жених. Прочитали молитву, благословили, жених с невестой обменялись кольцами, сделанными из фольги пробок от бутылок, выпили бутылку шампанского, кричали горько и веселились. При этом жених и невеста познакомились.

Вечером всем объявили, что мы пошутили, и разогнали всех по домам. На следующее утро прибежал Димка, они помирились, жизнь вроде бы вошла в свою колею. Но вечером приходит жених и смущенно просит Гулю разрешить ему бывать у нас в качестве друга. Засмеявшись, она милостиво разрешила. Каждый вечер в комнате царило веселье: мы гадали, кто придет первым, жених или Димка. И от души советовали Гуле составить график посещений. Не прошло и недели, как Гуля с Димкой разошлись окончательно. А жених остался женихом. Долго и настойчиво он был просто другом, пока ровно через год со дня их необычного знакомства они подали заявление в ЗАГС.

3. Общежитие было закрыто. Вернее, оно было открыто, но там шел грандиозный ремонт. А группа, которая собиралась строить жилье для студентов в стройотряде, уже уехала. Промаявшись весь день в пустой комнате, я решила махнуть в Шелехов к Анечке, зная, что она не уехала с первой группой. Было жарко, поэтому я, в одном ситцевом платье, накинув на плечо сумку, помчалась на вокзал. В Шелехове без проблем нашла Анин дом, и вот мы уже весело щебетали после недолгой разлуки, как раздался звонок в дверь. Аня пошла открывать, а я удобно полулежала на кресле, посматривая на телевизор. В комнату ввалились два абсолютно пьяных парня. Они были пьяны и счастливы свободной жизнью после дембеля, эти Анкины одноклассники. Шура и Андрей, как представила их мне Аня, были так пьяны, что, мне казалось, ничего не соображали. При этом Шура с первой минуты стал умолять меня написать заявление в загс на бракосочетание, а Аню и Андрея быть свидетелями, так как он хочет взять меня в жены. А мы в ответ хохотали, принесли бумагу и ручку и составляли это заявление, все дружно подписывали, и опять хохотали. Анюте было так смешно, что она, давясь смехом, но, зная про все наши общаговские проделки, дружно мне помогала. Потом, чтобы отвязаться от ребят, мы подкинули им идею, что неплохо было бы сходить в парк потанцевать. Парни согласились, и мы, вчетвером под ручки, вышли на улицу. Парни были так пьяны, что нас всех шатало из стороны в сторону, и улицы нам было мало. Дойдя до парка, мы с Анютой благополучно сбежали от парней и заперлись в квартире. И как долго они не стучались к нам, дверь мы им не открыли, похихикивая и попивая чай в темноте на кухне. Назавтра мы уехали в стройотряд.

А уже после стройотряда мне было совсем не смешно, когда я приехала из Харькова на неделю позднее занятий и пришла в институт на лекции. У Анюты были круглые глаза, когда на пересменке между парами она рассказывала мне продолжение истории. Как оказалось, Шурка пришел к ней домой в начале сентября трезвый и очень деловой. Долго допытывался, где я, потом заставил Аню поехать в Иркутск в наше общежитие, где они кроме ремонта ничего не увидели и меня не нашли. Захлебываясь рассказом, Анюта сообщила мне, чтобы я ждала гостя. Он поступил в госуниверситет на исторический факультет, его выбрали старостой группы, он учится на одни пятерки и жаждет меня видеть.

Потом Шурка, несмотря на то, что жил так далеко, часто навещал меня. Он водил меня в кино, театры, спектакли, но при свиданиях не говорил не слова. Он будто немел в моем присутствии. Когда я спрашивала Анюту, всегда ли он такой, та смеялась и говорила, что это самый веселый и заводной парень из их класса. Он так боялся меня, или действительно был так влюблен, что боялся говорить, боялся смотреть на меня, боялся притронуться ко мне. Я стала для него каким-то очаровательным образом, на который можно только молиться. А потом он пригласил меня на вечер посвящения в студенты. В университете бережно унес мою шубу и шапку в какой-то кабинет. Мы оказались на балу, где на двадцать девочек один парень. Шурка оставил меня у стены, а сам пошел к ребятам, они все были с повязками дежурных, а он был старший. Тут заиграла музыка, и все мальчишки начали танцевать в центре очень большого зала, нахально глядя по сторонам, где понуро стояли девочки. Но я-то была из политеха, где на десять мальчишков одна девочка, и у меня были другие комплексы. И я гордо, через весь зал прошла к Шурке

под взглядами этих несчастных девчонок, и, остановившись перед своим, как я считала, парнем, не танцуя, повелительно приказала ему отвезти меня домой, так как он обязан это сделать, раз не в состоянии развлекать меня на балу. Мой вид королевы и тон моих приказаний сломили и без того смущенного парня, и он, бедный, понуро, покрывшись краской, брел через весь зал к выходу за мной. А я царственно плыла по залу, выражая свое пренебрежение к этому убогому сборищу. Я так и ни разу не оглянулась, чтобы посмотреть, идет ли Шурка за мной, я просто шла с надменным видом прекрасной незнакомки, которая вот так запросто может увести с бала самого завидного жениха, при этом уже окончательно для себя убедившись, что он мне не нужен.

4. Холодный ветер не давал покоя. Обещание, данное мною сестре, заставило меня встать ни свет, ни заря и отправиться к черту на кулички в ИСХИ. Хорошо еще, что моя подруга Жанка решила разделить со мной все тяготы этого путешествия. Проторчав на автовокзале больше часа в ожидании семнадцатого, мы наконец-то проникли в промерзший автобус. Все-таки не дует. Блуждая в поисках нужного общежития, мы мечтали об одном, как бы нам согреться. Наконец наши усилия увенчались успехом, и мы нашли то, что искали. Моя новая родственница явно не была нам рада, так что полчаса разговора не завершились долгожданным для нас чаем по русскому обычаю. Злые и голодные, проклиная весь сельскохозяйственный институт и не обращая ни малейшего внимания на восклицания местных парней типа ах, какие девочки, мы покинули непонравившийся нам район. Шел шестой час, во рту у нас не было ни крошки с самого утра, есть хотелось так, что больше ничего на ум не шло. В пельменной было не просто много народу, его на нашу беду было так много, что стоять предстояло часа два. Голод заглушил голос разума, и Жанна решилась. Она стала отчаянно строить глазки парню, который стоял далеко впереди нас. Заметив нас, он с важным видом пошел покурить мимо нас, хотя вообще-то он не курил, как выяснилось позднее.

– Возьмите нас в очередь, – скорее простонала, чем попросила Жанка.

На удивление быстро парень согласился. Довольная и счастливая, Жанна отправила меня в зал занимать столик, а сама пристроилась ко второму парню. Из-за близорукости я не сразу заметила, что наш новый знакомый уже занял столик и машет мне рукой. Стоило мне занять место, как он обрушился на меня с обвинениями, что он не обязан для нас ничего делать. Слово за слово, мы разругались с ним в пух и прах. В это время подошли наши товарищи, мы мирно поели и разошлись. На душе стало легко и спокойно, желудок успокоился, мир засиял своими красками, люди стали казаться красивыми и добрыми. Не спеша, мы направились на остановку трамвая. Парни догнали нас почти у остановки, после обыкновенного знакомства мы сообща стали ждать трамвай. Народу скопилось много, и когда подошел трамвай, Жанна и Витя, так звали парня, с которым я ругалась, успели уехать, а мы остались.

– Бежим на Разина, – сказал мне новый знакомый, – здесь трамвай не остановится.

Едва мы успели добежать до поворота, подошел трамвай. Без труда мы сели и поехали. В студгородке нас ждали Виктор с Жанной. У ребят вдруг проснулось красноречие, на все лады хваля свои достоинства, они проводили нас до общежития. У нас осталось только одно желание, как бы скорее добраться до своей комнаты и отдохнуть, а они не уходят и просто умоляют идти к ним в гости.

– Глупо идти куда-то от дверей своего родного общежития после такого сумасшедшего дня, – решили мы.

– Хорошо, – кисло улыбнувшись, согласилась Жанка, – мы придем. Но сейчас поднимемся к нам пить чай.

Предложение было принято, и вот мы в комнате пьем чай и играем в карты. Стук в дверь прерывает наше занятие, ко мне приходит парень и умоляет меня о свидании. Я соглашаюсь,

но, сетуя на гостей, обещаю приехать к восьми. На том и расстаемся. Время ближе к восьми, мне надо бежать, а гости не уходят. Вдруг Виктор произносит:

– Федор, проводи девушку, она спешит.

Мы выходим на улицу, первый раз в жизни на свидание к одному парню меня провожает другой парень. Мне почему-то смешно и грустно одновременно.

– Куда мы идем? – спрашивает меня Федор, и я ему отвечаю, что теперь уже все равно, я уже опоздала, хотя до свидания еще добрых сорок минут.

– И не на трамвае, – добавляю я.

Мы садимся в троллейбус, и он мчит нас через ГЭС в город. Мне почему-то легко и спокойно. В «Гиганте» идет новый фильм, и мы заходим в кинотеатр. Самое удивительное, что предстает перед нашими глазами, так это то, что у стены с улыбающимися лицами сидят Виктор и Жанна. После фильма история повторяется: остановка, трамвай, провожание. И вот уже более тридцати лет мой муж не устает спрашивать, не слишком ли долго он меня провожает.

У вас есть заварка?

Наташе, лучшей подруге моей дочери Лидии.

ОТ АВТОРА:

Понимаю, что газета – это не то, где может быть напечатана моя повесть. Но вы – журналисты, и в своем деле понимаете гораздо больше меня. Если для кого-то это будет интересно, то, может быть, какой-нибудь журнал или газета смогут опубликовать эту работу.

На фоне деградации, пьянства, наркомании, безысходности для большей части молодежи сегодня, может быть, им будет интересно: а как все было у нас, «потерянного» поколения, последних комсомольцев, «авантюристов»? Здесь нет политики ни строчки, просто я пыталась уложить в несколько страниц 25 лет моей жизни. Есть фильмы, книги о наших родителях (60-е годы), а о нас, кроме маленьких Вер, дрянных девчонок, Эдичек или напротив революционных лент о сталеварах, больше ничего нет. И мы не сопротивляемся. Это совсем неправильно. Ведь мы – не неудачники. Именно из нас вышли «новые» русские и «новые» нищие.

**А наша жизнь продолжается в наших детях.
Северобайкальск, 1996—1997 г.**

– У вас есть заварка? – чуть приоткрыв дверь, спрашивает белобрысый парень и протягивает мне кружку, не дожидаясь ответа.

С этого вопроса начинается моя студенческая жизнь.

Всматриваясь в запотевшее окно троллейбуса, я старалась не пропустить знакомый поворот со светофором, но воспоминания налетали, сбивали с толку. И только когда светофор прощально мигнул красным светом, я окончательно поняла, что проехала мимо нужной остановки. Проклиная неласковый Иркутск, встретивший меня дождём и ветром, утопая в потоках воды и грязи, пропуская машины, которые так и норовили обдать меня грязной водой, я вышла на перекрёсток.

Выбрав по памяти среднюю улицу, но для верности удостоверившись в правильности своего выбора у продавца торгового ларька, попутно купив коробку конфет для девчонок, я направилась вдоль улицы. Она была длинна и пустынна, и уже ничто не мешало мне полностью отдаться воспоминаниям...

– Собери свои вещи. Ты будешь жить в моей комнате, это напротив. И не спорь, пожалуйста, все решено, – не проходя в комнату, с порога, объявила Жанка, моя однокурсница.

В ответ на мой немой вопрос она смешно сморщила нос, так что веснушки сбежались в одну линию, подчеркнув и без того яркую рыжину её лица.

– Но Наташа... – слабо пыталась возразить я, – она будет недовольна.

– Наташа не в счёт. Она тебе не пара. У неё своя жизнь, у нас – своя. И не спорь, а собирай вещи. У меня мало времени, надо до вечера разместиться на новом месте. На вечер у нас другие планы. Поедем в кино, – утверждающе произнесла она, посматривая на мою полку с книгами.

Геля уехала вчера на практику, предстоял месяц мучений моих нелёгких взаимоотношений с Наташей. В общем, выбирать было нечего. Предложение Жанки было подарком судьбы. Я стала укладывать вещи.

– Умница, – похвалила Жанка, – Я буду через пару часов, вот тебе ключ. Комната 405, напротив, – она победно удалилась, сверкнув на солнце рыжей шевелюрой.

Вечером, когда все вещи нашли свои места в новой комнате, когда было позади не очень приятное объяснение с Натальей, когда мы по полочкам разложили игру актеров в нашумевшем, но не понравившемся нам фильме, был выпит чай и рассказаны сокровенные тайны, раздался стук в дверь.

– Девчата, извините, разрешите войти.

И вслед за любезными словами в комнату ввалился явно не джентльмен, а рубаха-парень в полосатой тельняшке, с обгоревшим лицом и синими, как небо в ясную погоду, глазами. От него так и исходило дыхание моря, любой даже с закрытыми глазами определил бы, что парень служил в морфлоте.

– Меня зовут Виктор, я ходил в разные страны, будем знакомиться, где стаканы, будем пить водку, шевелитесь, девочки, – без остановки монотонно выдал он, сгребая со стола учебники и ставя бутылку столичной.

Пока я медленно переваривала увиденное и услышанное, Жанка схватила одной рукой бутылку, другой парня, ловко вытолкнула все в коридор, захлопнула дверь и закрыла её на ключ.

– Только таких нам не хватало, – пробурчала она в ответ на стук в дверь.

За дверью успокоились, но не надолго.

– Девочки, извините, это опять я. Честное слово, я пришел извиниться, откройте, – умолял голос за дверью.

– Он, чего доброго, всю ночь там плакать будет, – пожалела Жанка и отперла дверь.

Дальше нас ждало непредвиденное. За уже знакомым парнем стояли ещё двое незнакомых, у каждого в руках было по бутылке водки, последний, кроме столичной, держал в руке сетку с дюжиной бутылок пива. Обстоятельства принимали непредсказуемый оборот. Виктор как хозяин быстро поставил своё богатство на стол и потребовал:

– Закуску гоните.

Парни, ухмыляясь, раскланивались. И вновь, как ветер, Жанка ловко схватила сетку с пивом, бутылку водки, сунула ее в сетку и молниеносно протянула руку с сеткой за открытое окно. Сетка повисла на вытянутой руке, грозя немедленно сорваться.

– Так, мальчики, или через секунду вашего духу не будет в нашей комнате, или ваше богатство будет на асфальте. Учтите, в моей руке не так много силы, – очень просто и внятно произнесла она.

Её слова для парней были подобны грому среди ясного неба, её действия – извержению вулкана. Желание обуздать строптивых девок ушло на второй план, остался только один порыв: сохранить спиртное во что бы то ни стало.

– Парни, заберите водку и выходите, я заберу пиво у этой ненормальной. Она совсем бешеная, я сегодня полдня в очередь простоял, ну её к аллаху – заговорил Виктор, приближаясь к Жанке.

Парни покинули комнату, один из них выразительно покрутил пальцем у виска. Жанка отдала сетку, Виктор подхватил ее, и, все еще во власти возможной потери, молча ушёл, с достоинством закрыв за собой дверь. Инцидент был исчерпан. Дверь заперта на ключ, абитура удалилась восвояси пить героически спасенное пиво, а мы легли спать.

Первый день «НАШЕЙ» жизни был позади.

А улица все не кончалась. Она казалась мне длиннее и длиннее. Хлестал дождь, сумка оттягивала руку, коробка купленных конфет, в мелких капельках глины из-под прошедшей мимо машины, потеряла товарный вид, яркий первый день геодезической практики после первого курса стал меркнуть в памяти. Показались поля, последние дома улицы, и, наконец, знакомый поворот. Свечение люстры в комнате добавило уверенности, знакомые ворота приободрили. За воротами в будке лежала собака. Напрочь забыв кличку собаки, осторожно постучала в калитку. Никакого ответа. Сияние света в комнате, спящая собака в будке, шум дождя и порывы ветра. Стучу еще и еще. Безрезультатно.

– Собачка, ты меня не кусай, пожалуйста, мне надо войти в этот дом, – говорю я и медленно продвигаюсь по двору.

Дождь и холод усыпили в собаке всю собачью бдительность, она безучастно провожает меня взглядом. На крыльце новое препятствие – вторая псина. Она гораздо больше первой. Но погода подействовала и на нее. Она мирно спит, прикрыв глаза лапой. Осторожно дотягиваюсь до звонка и слышу шум распахивающейся двери.

– Ой, проходите, пожалуйста, мамы нет дома, но она скоро придет, – слышу я такие желанные слова Насти, старшей дочери Жанны.

Не успеваю пройти в прихожую, появляется другая красавица с полураспущенной косой. Но это не Алена, младшая, это какое-то другое, неведомое мне создание.

– Я – Оля, племянница, – успевает ответить она на незаданный мною вопрос.

– Вы на встречу, конечно, я понимаю, такую встречу пропустить невозможно, – говорит Настя, принимая зонтик, конфеты, сумку, мокрую куртку и пропуская меня в комнату поближе к обогревателю.

– А встречу не отменили? – спрашиваю я и получаю ответ:

– Да что вы! Конечно, нет! Завтра на турбазе. Мама собрала всех, кого смогла найти.

Их дружелюбные охи и ахи, желание немедленно напоить меня чаем, обогреть, переодеть, вновь наполняют меня воспоминаниями, и я опять уплываю – туда, в юность, в двадцатилетнюю давность.

– Мальчики, пошевеливайтесь, – подгоняла Жанка, – нам абсолютно некогда.

Ее «абсолютно» звучало категорично и не допускало никаких возражений. Но от мальчиков не было никакого толка. Пришлось мне становиться за теодолит, делать поверки. Жанна неизменно торчала рядом, командуя и проверяя меня. Чаше она вообще никого не допускала до прибора. А мальчики беспрекословно держали рейку, без эмоций переносили ее с места на место, подолгу курили и обсуждали свои мужские дела. День клонился к вечеру, теодолитный ход был успешно пройден, оставалось собрать прибор и колышки. Наш преподаватель – дремучий дедушка послепенсионных лет – был как всегда угрюм и озабочен. Но в кармане лежала заветная пятёрка, вечер ещё не наступил, а значит речной трамвайчик на ходу, а в кафе ждало нас вкуснейшее мороженое. И даже предупреждение старшекурсников о том, что дедок не любит девчонок, и получить даже тройку за практику девчатам у него чрезвычайно трудно, не могло удержать от соблазна сбежать. И мы сбежали, бросив теодолит, рейку, колышки на совесть наших мальчиков. Вечером, предвкушая успех завершённой работы, Жанка проверила ряд отметок. И «о, ужас!» расхождения в них составили 10—15, а то и все 20 сантиметров. Это не соответствовало никаким нормам. Ответ на первый вопрос «кто виноват?» нашли быстро. Наши замечательные мальчики за разговорами о футболе, чувихах, экзаменах ставили рейку без разбора – то на колышки, то на землю, чем оказали нам поистине медвежью услугу. Ответ на второй вопрос «что делать?» найти было гораздо сложнее. Но и он был найден. Из учебников извлечены нормы погрешностей, целая ночь впереди, логарифмическая линейка под рукой, и, прощай сон, мы работаем. К трём часам ночи стройная система теодолитного

хода выстроена, соблюдены все поверки, все погрешности соответствуют допустимым. Теперь спать.

Через неделю – экзамен, защита практики. Наша группа в огромном амфитеатре кажется жалкой кучкой, которая прижимается к столам, чтобы быть незаметной. Наш грозный экзаменатор жаждет крови, все боятся. «Анька, вперед, мы еще успеем на дневной сеанс в Баргузин» – слышу я Жанкин приказ и с невозмутимым гордым видом спускаюсь вниз. Жанка спешит опередить меня, она всегда должна быть первой. Ну а мальчики тащатся следом, куда им деваться. Дедок язвительно окидывает нас взглядом и начинает экзекуцию. Вопрос за вопросом, ответ за ответом. О, чудо, он обращается к нам и просит зачётки. Подаём зачётки, следим, как тщательно выводит свирепый преподаватель «отлично», ликуем и ...исчезаем, так и не поняв, шутили старшекурсники или нам несказанно повезло, не иначе как у дедка внук сегодня родился.

– Мама, тётя Аня приехала, – доносится до меня Настин голос из прихожей. И я готовлюсь к появлению рыжеволосого друга студенческих лет. Комната заполняется ароматом весны, у Жанки всегда были какие-то необыкновенные духи. Но вместо рыжей шевелюры я вижу модную стрижку, чёрного с синеватым отливом, цвета.

– Ты почему меня пугаешь? Я звоню, звоню, на работе телефон молчит, дома молчит, я уже в отчаянии, что ты не приедешь, – вместо приветствия обрушивается она на меня, обнимая меня и одновременно проверяя, не вымокла ли моя одежда. Я отшучиваюсь, объясняя свое отсутствие дома присутствием в поезде. И сразу становится тепло и уютно, все сомнения, колебания, страх посещения новой русской Жанки, безденежье, проблемы и безысходность улетучиваются, растворяются без следа. Вспоминается только хорошее последних дней: начальник, без слов подписавший приказ на отпуск, девчонки из бухгалтерии, в первую очередь наскребшие денег на мои отпускные, муж, уговаривающий меня не обращать внимания на внешние атрибуты богатства «новых русских» и вести себя по обстоятельствам, но с достоинством, мои дорогие студенты, сын и дочь, первым делом доложившие о своих пятёрках и преподнесшие подарок с одной стипендии на двоих – настоящие французские духи «Сальвадор Дали» в крошечной упаковке, но настоящие. Становится легко и свободно, дальнейшие события идут по кругу и воспринимаются как само собой разумеющиеся. Ужин, встреча с Сергеем, мужем Жанки, или «трудоголиком», как она его называет, появление Алёны – ничего не внесит сумятицу в атмосферу вечера. И как-то остаются на втором плане краем глаза замеченные аксессуары нового достатка в квартире: четырёхкамерный холодильник, японское видео, швейная и стиральная машина престижной фирмы, в общем, вся бытовая электроника от чайника до телевизора. Нам некогда обсуждать квартиру, разговор крутится вокруг предстоящей встречи. Обидно, что из девчат мы будем только вдвоём из семерых. Аня не сможет, у нее самая чёрная полоса в жизни: бегство из Казахстана, где они с мужем прекрасно работали на оборонном заводе и имели всё по тем меркам – большую квартиру, дачу, машину, средний достаток и прекрасную дочурку. Вывезти удалось машину и одежду. Квартира и мебель брошены. Вернувшись, поселились в квартире Анютиной свекрови, работы нет, денег нет, перспективы нет. Случайная подработка в фирме привела к одному результату – Славка ушел к молодой, процветающей, с деньгами и вещами. Он очень просто решил для себя все проблемы, утверждая, что это любовь и дочь поймёт его. Но Янка в свои шестнадцать считает отца предателем и порвала все отношения с ним. На работу удалось устроиться в Иркутск. Наш Сенечка, наш староста, по просьбе Жанки взял в свою организацию, посочувствовав Анкиному горю. Вот и вся история про нашу умницу, нашего ангела, нашу ласточку Анечку.

– Девочки, я решила, я лечу, – Анечка помахала билетом, – а вдруг это судьба?

– Маме ни слова, она будет волноваться. В случае чего – я у вас. Новый год мы встречали вместе. Обратно буду завтра, в шесть. Телеграмму послала, он меня встретит в Новосибирске, встречаем Новый год, а там... Господи, неужели это я? Не может этого быть. Но лечу, лечу!

– Лети, ласточка, кто знает, где твоё счастье. Счастливого пути!

Жанкины слова Анюта ловит в коридоре, у неё считанные минуты до самолёта, её ждет такси в аэропорт. В её сияющих глазах – робость, надежда, доверие, вдохновение. Она летит.

Новогодняя ночь пролетает как одно мгновение. Поздравления, здравицы, поцелуи, танцы до упаду – все смешалось, завертелось, унеслось.

– Анюта, ты уже здесь! Ну как?

– Прекрасно, – как всегда невозмутимым спокойным тоном.

Наша, прежняя Анюта. А где восторг в глазах, безумная решимость, ожидание? Что случилось в том далёком незнакомом нам городе?

– Рассказывай! – прошу я.

– Всё нормально, девочки. Это была безумно интересная ночь. Валерка не встретил меня.

– ?

– Нет, я видела его, конечно. Он даже проводил меня до аэропорта. Но по порядку. В половине двенадцатого я прилетаю в Новосибирск, а меня никто не ждет! Никто, девочки! Я ловлю такси, мчусь в общежитие, а его там нет! Ребята предполагают, раз его комната закрыта, он у друзей в общежитии рядом. Лечу туда. До Нового года минуты, а я летаю! Его там нет. Заглядываю во все комнаты подряд, ищу, мальчишки хором помогают, но Валерки нигде нет. Часы бьют двенадцать, девчонки снимают с меня пальто, парни подают шампанское, мы пьем за счастливую молодость. И так всю ночь. Поздравления, здравицы, поцелуи, танцы до упаду – все смешалось, завертелось, унеслось.

Днем нашли. Где – неизвестно. С кем был – неизвестно. Почему – неизвестно. Телеграмму получил? Получил. Почему срочно не ответил, чтобы не прилетала? Молчит. Проводил, приедет скоро. Зачем? Откуда я знаю? Визит вежливости. Я здесь, девочки! И ничего со мной не случилось.

И тоска в глазах.

Анюта, Анечка! Так закончилась самая безрассудная выходка отличницы, домашней девочки, паиньки, одной из лучших студенток на потоке, чьи лекции, написанные каллиграфическим почерком, не раз спасали нас на экзаменах. Валера, Валера! Где ты сейчас? Неужели так и не понял, что упустил свою Жар-птицу, прилетевшую в новогоднюю ночь на ковре-самолёте! Нашу Аню, Анюту, Анечку – умницу, ангела, ласточку.

– Ты не рада? Или не слышишь? Я говорю – Ванечка будет, представляешь? Боже мой, двадцать лет прошло, двадцать! Говорят, он не изменился, все такой же, только раздался. Должность точно не знаю, но что-то солидное. Кажется, главный инженер. Помнишь, мы все были немного в него влюблены, но у него уже была Алевтина. Девчонка у них, одна. Учится где-то здесь, в Иркутске. А как твои студенты, сдают? Как Фёдор? Что-то ты всё молчишь, молчишь. Помнишь Олега? Хотя, что за глупый вопрос. Разве можно забыть первую любовь, – тараторила Жанка, сидя за швейной машинкой и дошивая летнее платье.

Страсть к шитью и вязанию были в ней со школьных лет, и сейчас, в новых русских, она не изменила своим привычкам. Напоминания об Олеге срывают меня с места, комната становится маленькой, компьютер расплывается перед глазами и... я уже там, в далеком ушедшем морозном дне.

Головная боль от так и нерешенной задачи не проходила, в голове прокручивались возможные варианты решений, освободиться от которых не было сил. На десятом кругу я вдруг

обнаруживаю, что я не одна в моем пространстве. Кто-то упорно преследует меня круг за кругом, не сходя с дистанции. Бесцеремонное вторжение в мои владения неизвестным раздражает меня. Я пытаюсь внезапно развернуться и замечаю, что не могу сделать этого, кто-то уже другой крепко держит меня за руку, мы несемся в общем потоке.

– Меня зовут Дмитрий, я очень хочу составить вам компанию, не отталкивайте, пожалуйста, – произносит незнакомец, а я внимательно, насколько позволяет скорость движения, рассматриваю его.

Высокий рост, черные глаза, открытое лицо – идеальный вариант для Жанки.

– Передохнём», – прошу я, и мы приближаемся к бортику, где сидит в одиночестве Жанка.

Она ещё очень плохо держится на коньках, а мне не вмоготу «лететь» по хоккейной коробке гусиным шагом, мне нужна скорость. Мы знакомимся, я прошу парня составить компанию моей подруге, но он возражает и тут же находит для неё «учителя», представляя нам своего друга. «Олег», – произносит тот, и я сердцем улавливаю, что это он не давал мне покоя десяток кругов, терпеливо сопровождая меня в толпе, шаг в шаг. Он насмешливо осматривает нас и беспрекословно соглашается учить Жанку. Она счастлива. Старомодные сверхвежливые манеры Дмитрия утомляют меня, от его чрезмерной опеки начинает тошнить. К концу вечера я начинаю тихо ненавидеть его. Предложения ребят встретиться завтра я пропускаю мимо ушей, мы уходим. Завтра и послезавтра, и после послезавтра вечера повторяются, они похожи один на другой, с одной только разницей, моя ненависть к Дмитрию достигает гипертрофических размеров. Поэтому предложение встретить Новый год одной компанией не вызывает у меня особого энтузиазма. Но девчонки, Геля и Жанна, соглашаются, я не могу перечить им.

Вот и 31 декабря. Моя голова поверх бигуди обмотана красной косынкой, спортивный костюм не мешает мне легко перепрыгивать со стула на стул. Мы твёрдо решили получить первый приз за оформление комнаты к Новому году. Геля спит, у нее болит голова. Приходят парни. Приносят шампанское и цветы. Спрашивают, что ещё нужно купить. Я злая и раздражённая, представляю себе длинную ночь ухаживаний Дмитрия и возможные пути для побега из этой компании. Прекрасно понимаю, что этих путей нет. И вдруг замечаю взгляд Олега, задержавшийся на мне дольше вежливого приветствия. Он оценивающий, располагающий, волнующий. А Дмитрий идет мимо меня и будит Гелю. Я не успеваю перепрыгнуть на другой стул, чтобы развесить серебристый дождик, Олег подхватывает меня вместе со стулом и переносит на другое место. Я стараюсь ничего не замечать, хотя не заметить этого невозможно. И я чувствую себя в неведомом мне полёте, мне страшно, и захватывает дух. Что-то случилось в этот миг, что-то случилось. Ребята уходят, комната готова для приема жюри. Ёлка так светится украшениями и огоньками, что всё остальное отступает на второй план – пельмени, салаты, компот, одежда, причёска, гости. Жюри без колебаний отдаёт нам первое место, вручает грамоту и шампанское, берёт интервью победителей в Новогоднюю стенгазету. Нам достается вопрос: «Чего не хватает студентам перед экзаменом?» Под общее ликование отвечаем: «Одного дня и ...мамы!»

Уже одиннадцать, а Жанки нет. И вот она появляется в комнате, вся в слезах, с ситом в руках. Геля спешит успокоить ее, узнать, что случилось. Впережку с рыданиями мы ловим, что весь Жанкин вечер был потрачен на приготовление пирожных у сестры, потом она поехала в общежитие, но трамваев долго не было. Потом подошёл один, она сумела влезть, но народу было столько много, что сито с пирожными перевернули, и она привезла нам одни крошки, все раздавленные и бесформенные. Её рыдания при этом достигают апогея.

– Перестань плакать, – просит Геля, – мальчики приходили. Они сейчас придут. Олег будет.

Её слова производят успокаивающее действие. Всё ещё всхлипывая, но, уже улыбаясь, Жанка поворачивается ко мне и заявляет:

– Анна, ты у меня Олега не отбивай.

Что-то оборвалось внутри меня, неясная тревога заполнила, опустошила, унеслась. Совершенно безучастным голосом я отвечаю:

– Чего ты выдумываешь, разумеется, это исключено.

Но вот уже почти двенадцать, гости входят, музыка чуть слышно играет, стол готов, свет выключен, сияет ёлка, всё чинно и благородно. Я помню Жанкино предупреждение, излишне по-хозяйски веду себя, рассаживая гостей и хозяев. Понуро выбираю себе в кавалеры невзрачного блондина, предполагая, что он окажется не таким занудой, как Дима. Олега определяю рядом с Жанкой. Никто не спорит. Ждём двенадцати. И вот этот миг налетает, такой долгожданный и такой неожиданный. Все кричат, льётся шампанское, звенят стаканы, мир взрывается. Из коридора доносятся рёв, песни, музыка, топот. Едва успеваю выпить шампанское, несёмся в коридор и вливаемся во всеобщее безумие. Взявшись рука за руку, все обитатели пятиэтажного общежития в едином потоке под невообразимую музыку несутся в неистовом танце по этажам – первый, второй... пятый, пятый... второй, первый. Все кричат, поют, свистят. Безумие длится пять, десять, пятнадцать минут – сколько выдерживают ноги. Танец заканчивается в рабочей комнате, где в мирное время стоят кульманы и рождаются курсовые. Сейчас здесь музыка, музыка, музыка. Она убыстряется, сменяются ритмы, безумие, захватившее нас в коридоре, продолжается. Кто-то кричит по ослиному, кто-то прыгает до потолка, кто-то пытается удержать ритм: все танцуют. Но вот безумие спадает, музыка утихает, утихают студенты. Медленный танец. Танцую, замечаю, что со мной рядом не тот невзрачный блондин, и даже не зануда – Дима, а Олег. Олег? Почему Олег? А не всё ли равно, Олег так Олег. Душная комната одурманивает, думать ни о чём нет сил. И вот вся компания поднимается в комнату. Мы голодны и жаждем пира. Пир состоится. Пельмени идут на ура, салаты великолепны, Жанкины пирожные на бис. Мы сыты и счастливы. И вновь рабочая комната, танцы. На этот раз танцы до упаду, насколько сил хватит.

Но вот слышится истошный крик: «Горим!» Выбегаем на улицу. На втором этаже в какой-то комнате открыто окно, из него валит дым. Следом вылетает матрац, он объят пламенем. Огромным факелом он медленно опускается на снег. В комнате, видимо, больше ничего не загорелось, все успокаиваются. Морозный воздух освобождает от безумия, в летнем платье холодно. Зябко одергиваю плечи и замечаю, что чьи-то руки заботливо укутывают меня в пиджак. Кто это? Олег? Опять Олег?! Что? Танцевать? Танцевать, так танцевать! Теряемся от компании и танцуем, танцуем, танцуем. Ноги не выдерживают нагрузки, и я зову Олега наверх, отдохнуть. Мы идём, взявшись за руки. В комнате никого нет. Я скидываю туфли и босиком плетусь к столу. Олег подсаживается рядом. Еды на столе практически не осталось: студенты есть студенты. Но есть конфеты и шампанское, та самая выигранная нами бутылка, припрятанная мною на всякий случай. Олег наполняет стаканы и предлагает выпить на брудершафт. Я знаю, что это значит, но почему-то не сопротивляюсь, а пью всё до дна. В голове проносится, что за ночь выпита тройная норма, но опьянения нет. Заходят девчонки, и это освобождает меня от поцелуя, которого очень боюсь. Мы идём танцевать всей компанией, уже который раз за ночь. Ночь на исходе, все быстрые танцы танцуются медленно, остаются пары, среди которых мы с Олегом. Но вот и наши силы иссякают, мы идём наверх. В рекреации напротив нашей комнаты никого нет. Олег увлекает меня, прячет за штору и целует, целует, целует. Все мои страхи улетучиваются, реальность исчезает, я во сне.

Вдруг из-за дверей нашей комнаты доносится страшный грохот битой посуды. Влетаем в комнату и застаем необычную картину: Геля с Димкой напару бьют пустые бутылки шампанского, держа их за горлышки и ударяя друг о друга. На полу груды битого стекла, но руки их на удивление целы и невредимы. Вдвоём останавливаем это безумие. Выходит день. Сумрачная комната выглядит безобразно: с ёлки сорвана мишура, на столе груды объедков, на полу груды битого стекла, а на стене грамота за лучшее украшение комнаты. Олег увлекает меня

за дверь, в рекреацию, я сопротивляюсь, беру ведро и начинаю собирать стекло и мусор. Никто не помогает мне. Кто лежит, кто сидит, кто поёт, кто что-то жуёт. Выношу мусор на свалку, возвращаюсь, начинаю мыть полы. Ребята потихоньку исчезают. Полы домыты, посуда убрана, комната вновь приобретает привлекательный вид: всё чинно и благородно. Парни ушли, девчонки принимаются пить чай. Хочу присоединиться, но вдруг понимаю: «Олег ушёл. Ушёл?! Почему ушёл? Как ушёл?» Со мной истерика. Я не хочу, чтобы он уходил, не хочу. Мои рыдания сродни моим мыслям, то громкие (он ушёл совсем!), то чуть слышные (может, ещё не всё потеряно?). Девчонки тащат валерьянку, уговаривают, упрасивают, вытирают мои слёзы, а я вдруг понимаю, что впервые в жизни безумно влюбилась.

– О чём задумалась? – возвращает меня в реальность голос Жанки.

И я вдруг замечаю усталость в её голосе.

– Осколки от бутылок шампанского, безумная радость и тоска, запах валерьянки – это и есть моя первая любовь, – отвечаю я.

И вот Олег забыт, он остался там, в прошлом. И уже не болит сердце и не стучит в такт приближающимся к комнате шагам. И давно высохла подушка от безудержных девичьих слёз. Двадцать лет прошло, двадцать.

– Валентина наша бросила к черту инженерную работу, вкалывает маляром, два неудачных брака, живёт одна, с дочерью, – продолжает выдавать новости Жанна.

Дождь за окном не утихает, пожалуй, даже усиливается.

– После института она развела бурную любовную деятельность, представляешь? Это наша-то Валька, недотрога и страдалица.

– Анюта, ну, пожалуйста, я тебя очень прошу..., – канючила Валя, не давая мне спать в поезде, который мчал нас в стройотряд.

– Анюта, я не умею сама знакомиться, а так хочется, чтобы у меня был парень. Понимаешь, я знаю, ты можешь мне помочь. А я тебя научу танцевать вальс, – поглядывая хитренькими глазами на меня, уговаривала она.

Одному богу известно, откуда она узнала о моём сокровенном желании. Контракт был заключен по взаимному согласию. Поезд вёз нас в романтическое лето, с работой от зари до зари, со свиданиями при луне, романами и страданиями. И жизнь внесла свои корректировки в реализацию девичьего соглашения.

– Боже мой, какие красивые! – возглас Вальки прозвучал над моей головой.

Моё письмо никак не дописывалось, виной тому была фотография Олега, неизменно находившаяся в записной книжке и случайно оказавшаяся в моих руках. Мысли сразу перепутались, бодрый тон письма маме о прибытии исчез, слова потерялись.

– Серёжка, ты их мне принёс? – спрашивает Валентина, а я пытаюсь сосредоточиться. Ответа я не слышу, обдумывая, что же писать дальше. Написать строчку не успеваю, так как на листок опускается чудесный букет красивых лесных лилий.

– Это вам, – слышу я глуховатый мальчишеский голос откуда-то сверху. Поднимаю голову и вижу восторженные серые глаза Валькиного собеседника. Я ничего не спрашиваю, просто смотрю. Валентина недовольным голосом знакомит нас. Это ее одноклассник, он в соседнем стройотряде. Сергей устремляет свой взор на фотографию в моих руках и спрашивает:

– Это кто?

– Жених, – отвечаю я, – на север уехал деньги на свадьбу зарабатывать.

И мне так хочется, чтобы это была правда, но я знаю, что это не так. Грусть сквозит в моем голосе, но парень этого не замечает, он говорит утверждающе серьёзно:

– Отобьем!

Я не отвечаю и иду искать банку, чтобы поставить цветы. Второй раз в жизни мне дарят цветы, и я не хочу повторить ошибку школьных лет: отвергнутый мною букет был брошен в бурную горную реку. Валя сердится, мало того, что я не познакомила ее ни с кем, так еще и овладеваю вниманием её друзей.

Пора спать, мы всем мешаем. Девочкам утром на занятия, Сергею на работу. Да и нам рано вставать: Алексей заедет на машине в половине девятого. Мы расстилаем диваны, укладываемся, благо, что квартира большая и спальных мест много. А дождь все стучит и стучит за окном, порывы ветра срывают дверцу чердака, и она монотонно стучит на крыше. Заснуть не удается. Спотыкаюсь на Алексея, новость не выходит у меня из головы.

– Романовы разбежались! – сообщает Анечка, – Вы представляете, Катя выходит за Алексея?!

Новость ошарашивает всех без исключения. Катя с Андреем неразлучны с девятого класса, их давно все поженили. И вдруг она бросает самого умного парня в мире и выходит замуж за Алешку! Бесшабашный Алешка, душа общества, гитарист и добрый друг женится на самой заурядной девчонке в группе. Вот уж поистине мужская душа не изведена. Два интересных, умных, многообещающих парня не могут поделить посредственную троичницу, необязательную глупышку. Но это так. И свадьба состоялась. И горе Андрея закончилось женитьбой на красивой архитекторше с четвёртого курса. Пути господни неисповедимы. И горечь от сознания того, что гуляние в ресторане выпускного бала не состоялось отчасти от того, что Катерина сдала в прачечную бельё, а Алексею необходимо было забрать его, он был чрезвычайно занят и заняться рестораном не мог. Обезглавленная группа в ресторан так и не пошла.

И вот теперь, двадцать лет спустя, Алексей оставляет Катю с двумя детьми и уходит из семьи. Боль, разочарование в конце – концов настигли его. А наш Андрей попадает в авиакатастрофу, его больше нет. Наши первые жертвы. А Катя? А что Катя? Работает на пяточке, торгует товарами. Ревность, разочарование, сознание потерянной возможности гладкой жизни с Андреем окончательно выбили её из колеи. Теперь самой приходится решать все проблемы. Жанка сказала, что Алексей без работы сейчас, ему очень трудно. Но в новой семье растёт сынишка – отрада и надежда. Сон не приходит. И радостно и страшно представить завтрашний день. Но вот он, рассвет. Разве скажешь, что на дворе июнь, когда за окном снег? Густая трава выползает из-под снежного покрова зелёными змейками, листья на деревьях отяжелели под грузом вывалившегося не по расписанию снега, солнце едва пробивается из-за туч. Настоящий октябрь в начале лета. Гудок за окном оповещает о прибытии транспорта. И вот я уже вижу Алешку. Неужели этот маленький седоватый с угрюмым взглядом мужчина средних лет – душа и сердце нашей группы? Синие глаза внимательно, с головы до ног изучают меня, и я чувствую, что подобные моим мысли, но уже обо мне, проносятся в его голове. Ни удивления, ни восклицания. Всё там, в себе, внутри. Привычка жить без эмоций. Покупка хлеба, конфет и других мелочей отвлекает от беседы. Да я не могу еще прийти в себя от событий последних дней. Всё кажется нереальностью. Но вот уже и турбаза, боже мой, кто это стоит на крыльце? Неужели Ванечка, всеобщий любимец девочек, без всякой надежды на взаимность под зорким оком Алевтины? Это действительно он. И ничуть не изменился, всё такой же. Как хорошо смотрит за ним Алька, какой он вальяжный и ухоженный!

– А где Анечка? – обращается он вместо приветствия, – Анечка будет?

Отвечаю, что Анечки не будет, и замечаю, как тускнеют глаза первого парня в группе, исчезает его задорный огонек, который как магнитом притягивал девчонок двадцать лет назад. Он разочарован, обижен, убит. А я не могу понять причину этого превращения. Я не помню, что что-то связывало их в студенчестве, Анюту и Ивана, но предаваться размышлению некогда,

ребята окружили, заохали, заахали, обнимаются, признаются в любви, восхищаются, поворачивают, говорят, говорят, говорят. В большинстве это адэшники, я их абсолютно не помню к своему стыду. Появилась Жанка с видеокамерой, все застыли как перед фотоаппаратом, застеснялись невидящего ока, стали чопорными и неестественными. Она засмеялась, разрядила обстановку, и все опять ожили и засуетились. А ко мне уже спешит Виктор, я помню его, он ни чуточки не изменился.

– Это ты?! – вопросительно – восклицательно произносит он. И я понимаю, ведь нас кроме группы связывает еще одно воспоминание: практика в Усть-Илимске. И его первый вопрос конечно о том времени.

– А помнишь, – говорит он, – как мы летели из Братска в Усть-Илимск в кабине пилотов?

Я не успеваю ответить, просто окунаюсь в тот душный ужасный летний день практики после четвёртого курса.

– Вам необходимо добираться до Усть-Илимска, – голосом, не терпящим возражений, заявил начальник отдела кадров в Братске.

После самолета, битком набитого автобуса от аэропорта, волокиты с чемоданами, предложение казалось мне издевательством. И если бы не было Виктора, я бы расплакалась. Но он без эмоций взял чемоданы, бумаги и молча направился к автобусной остановке. После очередной пытки в автобусе – аэропорт. Билетов нет, и не предвидится на ближайшую неделю. Количество желающих улететь немедленно в десятки раз превышает возможность аэрофлота. Вся страна строит Усть-Илимск. О, чудо, лётчик выбирает Виктора из толпы желающих, и мы летим зайцами с оплатой по цене билета лётчикам! Кроме нас в салоне еще три зайца. Но я единственная особа женского пола, лечу в кабине лётчиков, на запасном сидении, Виктор со мной. Самолет отрывается от земли, моя душа уходит в пятки, но величие возникшей перед глазами панорамы захватывает меня целиком и полностью. Я не могу оторваться от «зелёного моря тайги», голубых сверкающих ниточек-рек, аккуратных просек ЛЭП, я в восторге. Сейчас и я хочу быть лётчиком, смотреть через застекленную кабину в любую сторону, видеть красоту Земли с неба, а не ютиться в душном, некомфортабельном салоне самолета. Уже одно это объясняет мне желание мальчишек летать. Но вот уже Ангара, плотина строящейся ГЭС, три – пять многоэтажек и ... дачи, дачи, дачи.

– А где город, почему одни дачи? – обращаюсь я к лётчикам. Они в ответ смеются. Оказывается, всё, что я вижу под ногами, это и есть город. Времянки, построенные из отработанных щитов опалубки на ГЭС. Нового города на правом берегу еще не видно в тайге, там строится всего несколько домов. Приземлились мы благополучно, автобус довозит нас до конторы. Получаем распределение в палаточный городок для проживания, на строительную площадку для работы.

– Опять палатки, – огорчаюсь я, у меня третье лето в палатках.

Надеясь на нормальные условия, я и вещей-то тёплых для палатки не взяла. И работать придётся мастером в смену, строить город на правом берегу.

Палатки встречают нас безразличием, Виктор будет жить с москвичами, я – с ленинградками. В палаточном городке десятка два палаток, живут студенты со всего Союза. Кроме москвичей и ленинградцев большие группы из Новосибирска, Омска, Томска, Алма-Аты, Караганды, Тулы, Душанбе. И по одному – два со всех городов необъятной Родины.

– Скучно не будет! – успокаиваю я себя, и первый раз за эти суматошные дни после разлуки с Фёдором, теперь уже официальным моим женихом, осенью будет свадьба, мне легко и свободно. Тоска уходит.

– Аня, я помню твой роман в то лето. Но я Фёдору ничего не говорил, хранил тайну, – возвращает меня в настоящее обращение Виктора.

– Какой роман? – недоумеваю я.

Я не помню никакого романа, его просто не было. Была моя сумасшедшая тоска по Феде, слезы в подушку, ожидание писем и нелётная погода, телеграмма «почему молчишь?» и ответная «почему молчишь?», неделя без писем и следом шесть писем в один день.

– Какой роман, ты о чём? – спрашиваю я.

– Ну, помнишь, как мило вы танцевали? – отвечает Витя. Концентрируюсь на его словах и вспоминаю...

Если в Ленинграде белые ночи, то в Сибири – полубелые. Сумерки наступают поздно, ближе к двенадцати. Поэтому разнообразие русских, чёрных, рыжих, каштановых, и разных оттенков волос студентов, танцующих на танцплощадке, порядком позабавило меня. Пока я разглядывала вьетнамцев, арабов, негра, таджиков, туркмен и просто тех, кто попал в мое поле зрения, смеркалось. Полилась необыкновенная волнующая мелодия, танго. Это мелодия была до боли знакомая, в то же время неведомая и космическая для меня: это было наше с Фёдором танго. Чтобы не расплакаться, поворачиваюсь и ухожу, но на полпути меня догоняет парень, он просит потанцевать с ним. Его голос умоляющий, я не могу отказать. Мы выходим в круг и ... я ничего не помню. Я чувствую рядом Фёдора, мы плывём, мы в неведомом пространстве, наши чувства объединяются, моя тоска уплывает через горы на Маму, к геологам, мне хорошо и спокойно. Партнёр не обнимает меня, не пытается целовать, не разговаривает. Его не интересует, кто я, откуда, как меня зовут, он живёт танцем, он растворяется в нём без остатка. Я понимаю, что он чувствует то же, что и я. Каким-то шестым чувством он уловил мою тоску, его любовь так же далека, как и моя, через меня и волнующую мелодию он там, рядом с любимой. Звучат последние аккорды, парень доводит меня до выхода, извиняется и уходит. И я ухожу, мне больше нечего делать на танцплощадке. И так каждый свободный мой вечер. Он ждёт меня, ждёт заветное танго, и мы танцуем. Ни одной реплики, ни одного лишнего слова, ни единого вопроса. Разрешите, спасибо, простите. Три слова и летящий необыкновенный танец помогают нам пережить месячную разлуку сумасшедшей любви, ему – к невесте, мне – к моему жениху.

– Ты абсолютно прав, – обращаюсь я к Виктору, – у меня действительно был роман. Я не хочу ничего объяснять ему.

– Анюта, ты строила первые дома на правом берегу Усть-Илимска! Ведь это уже история! – слышу я сплошные восклицания.

Моя история уносит меня в тайгу, вечерние сумерки.

– Господи, это что за явление? – вопрос сорокалетнего водителя панелевоза, только что прибывшего из Братска, обращён явно не ко мне, а к моим рабочим. Сначала я не обращаю на вопрос никакого внимания и требую накладную. Но шофер всё ещё в шоке, и я вдруг вижу себя его глазами. Темнота, тайга, стройплощадка, сварщики в масках и сварочных костюмах, крановщики на башенных кранах, монтажники на втором этаже закрепляют панели. Идёт монтаж дома. И вдруг на фоне этого чрезвычайно серьёзного момента откуда-то из темноты появляется девятнадцатилетнее воздушное существо, скорее подросток, чем девушка, в жёлтой элегантной кофточке, джинсах, ярко жёлтых носках и такого же цвета заколке в волнистых уложенных волосах. Место мое на танцплощадке, а не на стройплощадке. Мне смешно, я не могу удержать смех, а водитель просит воды и жадно пьёт, пока я осматриваю панели, принимаю, даю распоряжение на разгрузку и ставлю штамп в накладной.

– Тебе и печать доверили? – всё ещё не верит мужчина. В его глазах и недоверие, и страх, и жалость. Он долго чертыхается перед отъездом, всё смотрит и смотрит в мою сторону. Я ухожу в бытовку, следом заходит дядя Гриша – крановщик, про которого я знаю, что восемь

раз он падал с краном, но остался жив, бросить кран не смог, так и работает, пока не упадёт в девятый раз.

Он смеётся над водителем и докладывает, что монтируют последнюю плиту, получилось двадцать кубов за смену, я отмечаю на графике и радуюсь, прораб утром будет доволен, на этаж дом вырос.

А днём, когда я сладко сплю после успешной трудовой смены, в палатку просовывается сначала рука с кружкой, затем чёрная блестящая голова вьетнамца Вьета. Он громко, нараспев, спрашивает:

– У вас есть чайварка?

Всех зовут в столовую, ребята, как и в далёкой юности, набрали столько водки, что и представить невозможно. Звучат тосты, каждый второй посвящён Жанке. Она и красавица, и умница, и молодец, и лучик солнца. Жанка смеётся, спрашивает сразу всех, что же двадцать лет назад она этого не слышала ни от кого из присутствующих. Чай заканчивается, больше нет кипятка, и Олег Хлебов зовёт меня на кухню, вскипятить еще воды. Мы оставляем компанию и по крутой лестнице спускаемся вниз. Работники кухни ушли, дверь заперта. Только одно раздаточное окошко даёт возможность совершить задуманное. К моему удивлению Олег без раздумий пролезает сквозь него на кухню, я жду с другой стороны. И не могу себе представить, чтобы двадцать лет назад могло произойти что-либо подобное. Наше разгильдяйство не позволяло нам сдавать проекты вовремя, у нас вечно не хватало времени. А Олег всегда был на высоте, один из первых. Но никогда мы не осмеливались просить помощи у него, он казался недосягаем и недоступен.

– Олег, – говорю я, – я тебя так боялась в студенческие годы. К тебе невозможно было подступиться. А сейчас ты можешь мне ответить, ты достиг в жизни того, чего хотел?

Он недолго думал, чтобы ответить.

– Что касается карьеры и работы – без сомнения да. Но только сегодня, после ваших воспоминаний о студенчестве я понял, что обокрал сам себя. Мои воспоминания связаны с учёбой, занятиями, успешными экзаменами. А вы просто жили, дурачились, влюблялись, выручали друг друга, попадали в невероятные ситуации и выкручивались из них, я прошёл мимо вас, тогда это казалось мне не главным, второстепенным. Знаешь, почти все пары со студенческих лет не распались. Скоро серебряные свадьбы играть будут. Очень жаль, что я понял, что не прав, очень поздно.

Чайник вскипел, несём его назад, в компанию. Навстречу Ванечка с печальными глазами. Он пытается уйти пешком в город, уехать к Анечке, он пьян и необуздан. Мои уговоры на него не действуют, Ванечка начинает нудно объяснять мне причину своего поведения. Появляется Виктор, он трезв и как всегда придиричив к ребятам. Ему не нравится приставание Ивана ко мне, и он абсолютно серьёзно заявляет, чтобы я не боялась, никто не смеет сегодня обидеть нас с Жанкой. Мне смешно, я обнимаю Ванечку и целую его в щечку. Наши мальчишки никогда не посмеют обидеть нас. Мы сидим в комнате, орём песни. Песни нашей молодости. Алешка уже не может играть на гитаре, у него болят пальцы. Больше нет сил, засыпаем на ходу. Идём с Жанкой в свою комнату, проваливаемся в тяжёлый сон. Едва посветлело за окном, слышим стук в дверь. Не открываем. Жанка поднимается, придиричиво осматривает себя в зеркало, поправляет причёску, одежду. Только после этого открывает. На пороге Валерка, он фотографирует с ходу и разочарованно произносит:

– Ну, девчонки, вы уже готовы к приёму гостей.

Жанка смеётся, поясняя, что мы красавицы от природы. Занимается рассвет, приезжает Жанкин Сергей, мы покидаем турбазу. С нами Ванечка, он не хочет уезжать, не повидавшись с Анечкой. У Сергея новенькая волга, он горд своей жизнью и уверен в себе. В Жанкиной квартире нас встречают девчонки, они готовят завтрак.

– Жанка, ты что, крутая? – задает вопрос Ванечка, осматривая комнаты, и садится завтракать в «крутой» квартире.

– Девчонки, скажите честно, вы не хотели бы сейчас оказаться на месте своих детей, двадцать лет назад? – задает он вопрос, – ведь это так здорово, можно изменить всё что захочешь.

– Нет, – отвечает Жанна без раздумий. – Меня моя жизнь устраивает.

Я молчу.

– Ну что тебе дал этот БАМ? – задаёт Ванечка вопрос мне, – ты же бамовский авантюрист. Я не отвечаю, вспоминая декабрь 1985 года.

Мороз, ветер, пурга. Окна вагончика зашторены, света нет, только свечка. Но внутри тепло и уютно, ребята натопили печку. Вся наша компания после тяжёлого предсдаточного трудового дня рада домашней обстановке. Позади – монтаж ферм на пронизывающем ветру, холод, проникающий под любую одежду, ругань с бесноватым начальником участка по поводу отсутствия колонн, впереди – день рождения крановщицы Валентины. Традиция отмечать праздник с ребятами на работе не нарушена несмотря на сухой закон Горбачева. Наш скромный Санька рассказывает, что когда он не был женат, при этом он переводит дух и задаётся вопросом: а когда же это было? Между первым и вторым или между вторым и третьим браком? Его рассуждения тонут в шквале хохота, он работает у нас недавно, все мы считали его самым скромным девственником, который за версту обходит девчат из бригады штукатуров. Осетин Миша степенно разливает вино, при этом умудряясь рассказать дюжину анекдотов; каждой даме, а нас всего три, оказать внимание; с каждым мастером перекинуться одним им понятными фразами. А когда из-под рабочего полушубка извлекаются три живые гвоздики, по одной для самых прекрасных женщин, нашему восторгу нет предела. Санька задаётся вопросом, как назвать свою дочку, а что будет дочка, он не сомневается. Мы с радостью причастности к великому событию вспоминаем всевозможные имена, а он только хитренько улыбается, отрицательно покачивая головой. Наши фантазии не беспредельны, мы назвали всех Аленок, Машек, Джульетт и Настась.

– Вы не нашли достойного имени для моей дочки! – кричит Саша – Я назову ее Анной! Я назову ее Анютой в честь тебя, мой строгий нормировщик, – обращается он ко мне. – Она всю жизнь будет напоминать мне о той ночи, когда я переписывал две дюжины нарядов, которые ты мне зарубила. Между прочим, это была незабываемая ночь!

Обвальный хохот заглушает его слова, перед моими глазами предстает Сашенька с выражением обречённости на лице, когда я возвращала ему пачку проверенных нарядов. А за окном снег, метель. И пора расходиться по домам, и мы бредём по колено в снегу, пряча лицо от пронизывающего ветра, прижимая к груди чудо – живой цветок...

– БАМ дал мне то, что не может дать ни одна страна в мире – отвечаю я Ванечке.

Мы едем к Анюте. И вот знакомый поселок, знакомый дом. Анюта дома. Она бросается к нам, не веря своим глазам, плачет. Ванечка вытирает её слёзы, пытается успокоить, смотрит в глаза. Ничего не осталось от задорной девочки с карими глазами. Маленькая измождённая женщина с морщинками вокруг глаз, с потухшим взором. Она собирает на стол, хвалит свою Яночку, свою отраду. Ни слова о своей тяжелой жизни, только одни восклицания:

– О боже, как я рада этой встрече! Вы даже не представляете себе, какой подарок вы мне сделали! Сколько я буду вспоминать этот день!

Я сдерживаюсь от рыданий, пытаюсь подхватить разговор, но это плохо получается, тогда я замолкаю и только смотрю, смотрю, впитываю в себя всю атмосферу встречи. Меня хватает до машины, а там я закипаю, становится невыносимо тоскливо, и слёзы градом льются из моих глаз. Ваня сидит рядом.

– Что ты ревьешь? – говорит он. – У тебя есть муж, живи, носи его на руках и...

Он не успевает закончить фразу, а я реву уже в полный голос и не могу остановиться.

– Что с ней? – спрашивает Иван Жанну обо мне.

– Ты попал в точку. Анна уже носила мужа на руках. У него был инсульт, – слышу я и проваливаюсь в самый жуткий период моей жизни.

С трудом взбираюсь на четвёртый этаж и звоню. Мама встречает меня и вместо приветствия обрушивается с очередными жалобами на непослушных детей. Я не могу ее слушать. Потом. Позже. Я знаю одно: если я сейчас не доберусь до кровати, то засну тут, у порога. Трое суток на ногах, трое суток без сна. Я засыпаю и вижу системы, уколы, врачей, палату. Действительность не отпускает меня и во сне. Фёдор болен. У него парализована вся левая часть тела. Для сорокалетнего мужика, ни разу не болевшего даже гриппом, это трагедия всего существования, всей жизни. Он плачет. Плачет впервые в жизни. А мне плакать нельзя. Надо убедить, что это не конец, надо заставить поверить в себя, во врачей, в то, что будущее есть. Днём – процедуры, врачи, посетители. Ночью – боль в руках и ногах, массаж, массаж и массаж. Массаж каждую минуту, каждую секунду. Я уже не чувствую своих рук, пальцев. Они онемели. Я не чувствую усталости, просто не сплю трое суток. Звонок будильника вырывает меня из мучительного полусна, и я готова снова идти в больницу и снова не спать сколько потребуется. Но дочка сообщает, что моя сестра сменит меня на дежурстве этой ночью, после которой кризис миновал.

– Извини, я не знал, – доносится до меня голос Ивана, и я перестаю всхлипывать.

И вот уже снова Иркутск, студгородок. Ванечка уговаривает нас заехать в общежитие к его дочери. Мы дружно поднимаемся на четвёртый этаж, заходим в комнату и видим красавицу в ярком розовом халате. Ванька счастлив, он любит дочь, хвастается перед нами, какая она умница и красавица. Чем-то отдаленным девушка напоминает нам Алевтину, но черты ее лица тоньше и изящнее, она несомненно красивее своей матери. Иван в порыве счастья обнимает Жанку, на что его дочь отвечает критическим замечанием и обещанием обо всем рассказать матери. Мы смеёмся.

– Папочка, а деньги? – слышим мы вопрос и смеемся еще громче, вопрос уносит нас в наши студенческие годы.

Денег, конечно, нет. Они пропиты в загульной встрече с однокурсниками. Времени у нас тоже нет, Иван уезжает поездом домой. Спешим на вокзал, провожаем, напутствуем, обмениваемся адресами и телефонами, обещаем звонить, писать, приезжать и ... расстаемся.

Сергей довозит меня до общежития, я добираюсь до комнаты моей дочери, вижу ее озабоченное лицо:

– Мам, что ты так долго? и заваливаюсь спать, больше сил нет ни на что.

– У вас есть заварка? – доносится до меня. И я не могу понять, что это: воспоминание двадцатилетней давности или реальность сегодняшнего дня. Открываю глаза и вижу белобрысого парня, протягивающего кружку моей дочери.

О БАМе в прошлом и настоящем

Был обычный рабочий день...

Объединенное электровозное депо. Сегодня бригада М. К. Кирилловича будет бетонировать блок на мастерских. Весь месяц велась подготовительная работа: устанавливали опалубку, укладывали арматурные сетки и каркасы. На вечерней планерке 24 октября были распределены краны, запланированы рабочие места. Большой бетон – уложить массу бетона без перерыва в течение двух-трех суток – праздник труда не только для бригады, но и для всего строительно-монтажного поезда. Растворобетонный узел заранее готовится к выпуску смеси, электрики освещают строительную площадку для трехсменной работы, проверяют исправность вибраторов и прочего другого оборудования, водители автобетоновозов готовятся сделать как можно больше рейсов за день, но главное внимание сейчас бригаде Кирилловича. Если на ежедневных планерках бригадиры должны доказывать необходимость наличия автокрана у них на объекте, техники не хватает, то сегодня М Мухумаев, бригадир смежной бригады, без слов отдает в бригаду Кирилловича «Като»: идет большой бетон. Наконец приехал заказчик, подписаны акты скрытых работ, и вот уже первая машина с бетоном подъезжает к блоку.

«Не торопитесь, ребята, вибрируйте бетон лучше, чтобы качество было хорошим,» – слышится распоряжение бригадира. И вот бетонирование началось. У всех на трое суток одна забота: уложить в блок непрерывно 400 кубометров бетона. А 15 ноября были подведены итоги социалистического соревнования, и результаты таковы – можно поздравить бригаду Кирилловича М. К. с первым местом в участковом соревновании...

24.11.1984

Бригада

На открытии северобайкальского музея «Истории БАМ» один из ветеранов БАМа, бывший начальник одного из строительно-монтажных поездов Владимир Афанасьевич Скарга сказал, что современная молодёжь не знает смысла слова «бригада». Они связывают это слово с бандитским формированием, навеянным известным фильмом. На самом деле бригада – это основное звено коллективной работы в период советской власти. Именно бригадный метод труда позволял возводить грандиозные объекты и сооружения. Бригада – сплочённый трудовой коллектив, выполняющий планы в различных сферах деятельности. Музей наглядно показывает значение этого слова. Я вспомнила одну из своих статей в местной газете о знаменитой бригаде Владимира Сергеевича Горбатенко. В поисках информации для книги о БАМе я нашла эту статью, которую предлагаю вам.

Закалки Горбатенко

После обычного рабочего дня Алексей Темченко, мастер участка на строительстве локомотивного депо, анализируя работу монтажников, сделал для себя маленькое открытие: Виктор Придиус, Ярослав Кит, Владимир Волков трудились активнее других, творчески осмысливая каждую операцию. Их дневная производительность даже и на первый взгляд кажется выше, чем у остальных членов бригады. Почему? Объяснение простое – опыт. Все трое монтажников продолжительное время работали в бригаде Владимира Горбатенко. Они не могут относиться к делу пассивно: пришёл на работу – не отбывай за спинами товарищей время, проявляй инициативу, придумывай, твори – ради главной цели, дела, которое и стало смыслом твоего существования...

Монтаж цеха технического ремонта электровозов, где сейчас работает бригада В. Горбатенко, в основном закончен. Это будет современное промышленное здание. Уже оформились металлические площадки обслуживания, лестницы, установлены подкрановые балки, навешаны стеновые панели. Почти всё это сделано руками рабочих из бригады Владимира Сергеевича Горбатенко. По итогам трудовой вахты в честь 40-летия Победы его бригада заняла первое место в СМП-708, работает без срывов, нарушений трудовой и производственной дисциплины. Особый рабочий настрой в коллективе идёт от бригадира.

– Когда я работал с бригадой Горбатенко, – рассказывает мастер Алексей Темченко, – я, признаться, не успевал. Приходилось брать чертежи домой и разбираться, чтобы утром быть готовым отвечать бригадиру. Он задаёт вопросы, намного опережающие сегодняшнее строительство, тщательно продумывает работу бригады на много дней вперёд...

От умения создать фронт работ для всей бригады при любых обстоятельствах, найти оптимальный вариант загрузки каждого на сегодня и завтра, считает сам бригадир, зависит стабильность коллектива. В бригаде нет лодырей, это каждый раз подтверждается. В конце месяца, когда совет бригады во главе с бригадиром, в совершенстве владеющим бухгалтерскими расчётами, распределяет заработную плату с учётом коэффициента трудового участия.

Проявление инициативы в бригаде – обязанность каждого рабочего. Вот прирождённый монтажник Александр Горошенкин на головокружительной высоте укладывает листы профнастила. При этом он замечает, как лучше и удобнее подать их к месту монтажа. Во время короткой передышки советуется об этом с бригадиром. Горбатенко внимательно слушает рабочего, отмечает его правоту и организует работу по-новому.

Бригадир считает, что для успешного выполнения заданий необходимо прислушиваться к каждому предложению рабочих. Ведь им, непосредственно осуществляющим монтаж, виден любой промах в организации труда.

...Вести сварочные работы зимой на сибирском морозе сложно. Виктор Фердер слился с металлом, забыл о времени. Его так захватила работа, что он не замечает ни ветра, ни холода. Но это замечает бригадир: поднимается наверх и отправляет сварщика греться в бытовку. Горбатенко считает, что забота о подчинённых – тоже одна из главных его обязанностей.

В каждом производстве есть такие операции, которые рабочие выполняют с неохотой. Так и в монтаже: куда приятнее смонтировать ферму, поставить подкрановую балку и тут же увидеть плоды своего труда, чем часами ставить болты, закрепляя конструкции, десятки раз переходить с одного места на другое. А ему, Владимиру Горбатенко, при любых погодных условиях заставлять рабочих делать «нудные» операции не приходится. Либо сам бригадир начинает работу, либо Виталий Горбатенко с неизменной улыбкой берётся за любое дело, порученное ему братом. Личный пример в трудоёмкой работе необходим – так считает бригадир. И при этом не забывает отметить работу наиболее отличившихся: ветерана войны Ивана Григорьевича Мороза и молодого сварщика Александра Матору.

В начале года для монтажа мастерских была создана новая бригада. В неё вошли рабочие из разных бригад, в том числе и из коллектива Горбатенко. Мастером на объект перевели А. Темченко. И вот тогда-то Алексей и сделал для себя то самое маленькое открытие и пришёл к выводу: бригадир, сумевший воспитать такие качества в каждом рабочем своей бригады, заслуживает самого глубокого уважения.

Сейчас на строительстве мастерских ведётся остекление, устройство каналов, обратная засыпка грунта, монтируется кровля. Выполнить общестроительные работы для монтажной бригады сложнее, чем специальные монтажные. Но и здесь бригада не снизила темпов. Воспитанники Горбатенко стараются в трудоёмких работах использовать всё возможное, чтобы снизить расходы труда, уменьшить расход материалов. И это им удаётся, например, при строительстве каналов.

Бригада Горбатенко всегда в гуще общественных событий. Владимир Сергеевич – член профкома СМП-708, член президиума объединённого профсоюзного комитета треста «Нижеангарсктрансстрой». К выполнению общественных дел он относится так же требовательно, как и производственных. Как заместитель председателя поездного профсоюзного комитета он не раз исполнял обязанности профсоюзного лидера, успешно совмещая два труднейших дела: бригадира и общественного работника. И здесь, как и на производстве, коммунист Горбатенко в основу своей работы ставит внимание к людям, интересы производства в целом.

Вот к примеру, выступила комсомольско-молодёжная бригада М. Калашникова с инициативой провести субботник в честь Дня защиты детей. Горбатенко и как бригадир, и как член профсоюзного комитета поддержал это решение, сделал всё, чтобы его бригада в полном составе вышла на объект и показала высокую производительность, делая стяжку на крыше. От души радовался он инициативе товарищей и энтузиазму, с которым работали все бригады, успеху коллектива бригады М. Мухумаева, которая установила 80 кв. метров новых экструзионных панелей. Общественная работа бригадира Горбатенко – тоже предмет для подражания. И совсем не случайно председателем вновь избранного профсоюзного комитета участка избран

рабочий из бригады Горбатенко – сварщик Александр Матора. И совсем не удивительно, если, вступая в ряды партии, молодой рабочий скажет:

– Хочу быть похожим на Владимира Сергеевича Горбатенко.

Т. Муратова

Инженер-нормировщик СМП-708

Газета Северный Байкал» №70 (6962) от 13 июня 1985 года

Наш современник

Мы живем в Сибири, легендарном краю, о котором знает вся страна. Знает не по каким-то достопримечательностям, историческим памятникам культуры, а знает по людям, которые строят города и не собираются уезжать в теплые края, несмотря на суровый климат и тяжелую работу.

Наш современник. Кто он? Порой слышишь о драках на танцах в доме культуры, устроенной пьяными парнями. Порой видишь девчонок, которые курят до посинения и тем опошляют гордое девическое имя. Но не они —наши современники.

Наш современник – это Александр Матора, электросварщик, в свои 27 лет рабочий высокой квалификации, выполняющий любую сложную работу в тяжелейших северных погодных условиях, и Анатолий Антипов, в 32 года взваливший на себя обязанности начальника передового поезда, сумевший совместить заботы руководителя, учебу в институте, семейные дела и общественную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.